

ВЕЧНО МОЛОДЫЕ

Ира Студнева

Ира Студнева

Вечно молодые

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28062352

ISBN 9785449007087

Аннотация

Мило... Теперь прочтите еще раз, добавив море сарказма. Именно так я себя ощущаю, попав в Теодор. Мило – знать свой приблизительный возраст и не узнавать себя в зеркале. Мило – не помнить ничего до того, как очнулась тут. Мило – слышать, что ты «существо» с весьма неограниченными возможностями. Мило – смириться, что теперь я – вечно молодая, девочка со сроком годности, и делать вид, что это ни капли не беспокоит!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	41
Глава 5	57
Глава 6	75
Глава 7	85
Глава 8	122
Глава 9	134
Глава 10	159
Глава 11	172
Конец ознакомительного фрагмента.	182

Вечно молодые

Ира Студнева

© Ира Студнева, 2017

ISBN 978-5-4490-0708-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

В глазах звезды.

Их много, и они прыгают, насмехаясь, потому что я опять облажалась, доказывая, что в данной конкретной цепи эволюции нахожусь явно в конце.

Прямо сейчас я бодро качусь через весь пятидесятиметровый спортивный, оборудованный всем, чем возможно, зал, кувыркаюсь, как нестабильный элемент, и останавливаюсь, лишь наткнувшись на стену, от чего боль расплзается трещинами по моей спине.

– На этот раз ты сломала ей пару ребер! – говорит насмешливый голос вдалеке, и я искренне надеюсь, что он не прав. Хотя, если я получу сотрясение, это выиграет пару дней, на которые они оставят меня в покое.

Шаги приближаются, пока я перекатываюсь на живот, отжимаясь на ослабших руках, а затем – на спину и беззвучно выдыхаю весь воздух из легких. Боль танцует радостную сальсу, опоясывая грудную клетку, и, если я собираюсь продолжать дышать, пора с ней смириться. Они правы – скорее всего, ребра повреждены.

Медленно вдыхаю, закрывая глаза, и начинаю мысленно повторять:

Меня зовут Сэм, сокращенно от Саманты. Все думают, что я придумала это имя. Но это не так. Я помню... это един-

ственное, что я помню из жизни «до».

Так называемое «после» началось дней десять назад, когда, провалившись в никуда, мои воспоминания разбежались, как крольчата, и я оказалась в Теодоре. Мне где-то между 20-ю и 25-ю, и я «вечно молодая» или по-другому – сирена. Ну, по крайней мере, так вопят дети, тыкающие мне в след пальцами.

Моя интерпретация этого – девчонка с ограниченным сроком годности.

Мои глаза цвета янтаря, а волосы – темной меди. Чаще всего люди думаю, что это один цвет и плятятся, хотя и знают, что это некрасиво. Бледная кожа, которая почти не загорает и, если одеть в милое платье, можно подумать, что я безобидна.

Чего они и добиваются.

Я должна бросаться в глаза, но не производить угрожающего впечатления.

Красивый аксессуар... игрушка... пустое, хотя и довольно симпатичное, место...

– Так и будешь валяться? – Мел прерывает мои мысленные водопады жалости к себе, и приходится открыть глаза, уставившись на платиновую, почти седую блондинку, которая отправила меня в нокаут. Брови сведены, губы поджаты, а ярко-голубые глаза-льдинки сосредоточены на моей щеке, которая, к слову, пульсирует, словно живое существо, и совсем не удивляет меня. Как и сломанные пальцы на ногах,

потому что я недостаточно быстра, или рассеченная переносица, потому что недостаточно внимательна. Еще один принцип: если у тебя что-то болит, ноет или просто так получилось, что какой-то части тела не хватает отныне и ты некомплект – виновата сама.

Говорят, что учат давать отпор, я думаю, они пытаются оттянуть смерть, когда ее костлявые руки сойдутся на мне.

– Мне нужна третья татуировка! – выдавливаю из себя, хватаясь за ее протянутую руку, принимаю сидячее положение. Я даю схватить себя за подбородок, и она поворачивает его к свету, цокая языком. Это означает, что ей действительно жаль, и она точно перестаралась.

– Где-то болит?

– Нет.

– Лгунья! – шипит она в ответ и подзывает кого-то движением пальцев.

Спина болит, ребра болят, болит лицо и...

Другие руки ложатся на корпус сзади, прощупывая на предмет повреждений, хотя это все напускное. Кроме клинической смерти все поправимо, и я начинаю выкручиваться из вредности.

– Не юли! – шипит Дели. Самая милая и участливая из всех. Ее кожа цвета кофе с молоком и, мне кажется, раньше я бы отдала одну почку ради того, чтобы хотя бы на долю приблизиться к этому оттенку. Но, как ни странно, это место – Теодор – сделало меня нечувствительной к окружа-

ющей красоте. И к своей тоже.

Постоянно смотрюсь в зеркало, когда им не уличить меня, но не узнаю. Глаза были не такими яркими, кожа не бликовала на свету здоровьем. И точно знаю, что раньше я ничем не выделялась в толпе себе подобных.

– Сэм, волосы! Контролируй! – отчитывает Мел.

Вот косы достигали середины спины, а теперь ползут вверх, переплетаясь в тугий пучок. Примерно знаю, как они выглядели раньше, но последние две недели они живут своей жизнью. Малейшее колебание настроения, мыслей, потеря концентрации и та-дам – я получаю прическу, которая гуляет сама по себе.

– Ребра все же целы, синяки... – продолжает вещать Дели, наверняка не представляя, какой дискомфорт мне доставляет каждое ее прикосновение. Мало того, что это мучительно больно, так еще и тот факт, что у сирен нет никакого чувства личного пространства, до сих пор бесит. Я с удовольствием бы уползла хоть на четвереньках в свою кровать и тихонечко поскулила часок-другой.

Вроде и должна была смириться за десять дней с происходящим, но это мне никак не дается.

– Я говорила тебе поработать над защитой, а не над нападением... – продолжает Блонд.

– Это удобненько, знаешь ли, ты бьешь, а я не даю сдачи!

– Нет! Ты всего лишь пытаешься дать сдачи, а затем мы приводим тебя в чувства несколько часов. И так каждый...

– Мне нужна третья татуировка! – рычу я, перебивая.

– Тебе нужны мозги! А их не будет, если я продолжу от-
правлять тебя в полет через всю комнату. Рано или поздно
мы обнаружим их вдоль какой-то из стен.

– Третья! Татушка!

Мы сверлим друг друга глазами, и рядом со мной приса-
живается Кейт:

– Прошло всего три дня...

– Мне нужна эта чертова тату!!! Ты должна меня понять! –
воплю как капризный ребенок в ответ, что не дает абсолютно
никакого эффекта. Внешне, по крайней мере.

Кейт изучает меня. Она классическая брюнетка с куколь-
но-вьющимися волосами и серыми, отливающими серебром
глазами.

Никто никогда не верит, что она – огонь, увидев ее впер-
вые, и это – ее преимущество. Огонь должен гореть, а Кейт
сожжена дотла, и все вокруг знают, что ее сожгло, кроме ме-
ня. Просто потому, что в теории они все еще принимают
ставки на то, выживу я или нет в их мире.

Естественно, никто решил не интересоваться, какие у ме-
ня планы на этот счет.

Она делает глубокий вдох, принимая решение, и хватает
меня за руку в тот момент, когда Мел пытается ее остано-
вить, прикладывает свое предплечье к моему, чем препро-
вождает в ад.

Ее серебряные сфокусированные глаза – вот до чего

сузился мой мир. Зрачки расширились, и постепенно все, что меня окружало, поглотила тьма. Боль нарастала с каждым мгновением, как будто в мои легкие накачивали галлон морской воды, и они разрывались.

Кажется, мои лопатки оторвались от этого чертового пола, потому что меня выгнуло дугой. Тело пыталось спастись бегством. Но плечи все равно касались поверхности.

Экзорцизм по сравнению с происходящим – детские шалости.

Даже кричать не могла. Чувствовала себя рыбой, открывая рот, не издавая ни звука.

Жар начинался в месте, где девчонка прикасалась ко мне, и распространялся по всему телу. Я пыталась заставить себя вдыхать воздух, потому что это походило на острую кислородную недостаточность.

Каждый раз я убеждала себя, что это будет менее больно, чем предыдущий. Постоянно говорила, что мне нужны эти контракты со стихией. Но это не помогает, когда боль заполняет каждую частицу тела, угрожая убить.

Уверена, что так себя чувствуют люди с сердечным приступом. Но мне всего... я не помнила свой возраст, и это уже не удивляло. Скорее удивляло, почему я хочу вырвать свое сердце голыми руками, считая, что так будет легче?!

А потом все замерло, искрясь красным цветом огня, и я отключилась.

Так что, пока я валяюсь без сознания, мы можем начать

с начала:

Привет! Меня зовут Сэм, я – сирена воздуха.

Перешла в это мир десять дней назад и пытаюсь смириться, что моя жизнь начинается с того момента, как я провалялась в кроличью нору. К тому же, кто-то порылся в моих мозгах и хорошенько отфильтровал все воспоминания.

Ни одного до того, как я очнулась тут. Тысячи социальных действий и понятий, но ни одной мысли о себе!

НИЧЕГО!

Просто я проснулась, и мне сообщили, что я – то, что сдерживает зло.

Открываю глаза – лежу на небольшой кровати: для одного такая – слишком много, но слишком мало для двоих. Кто-то очень заботливый накрыл меня тоненьким мягким пледом. Даже подоткнули под ноги, словно я тяжелобольная.

Мел точно плевала на то, что мои пальчики на ногах ооченеют, Кейт скорее всего тоже недавно пришла в себя... значит, Дели.

Боли больше нет, что не может не радовать, и я чувствую себя относительно неплохо. Хотя, судя по воспоминаниям, это было похоже на то, что меня переехал асфальтный каток.

Да, я помню, что такое асфальтный каток, но не знаю дату своего рождения, и это меня слегка смущает. Совсем слегка. Настолько слегка, что иногда от отчаяния я готова биться головой о стену в попытке найти эти воспоминания. Хотя бы

каплю в море пустого сердца.

Приподнимаюсь на локтях и разглядываю комнату.

Высокие потолки отделаны зеленым, от светло-мятного до насыщенного изумруда. Огромные окна прикрыты тяжелыми шторами из бархата глубокого травянисто-зеленого цвета. Сквозь маленькую полоску просачиваются рассветные оттенки солнечного света. Вдоль окна – большой обеденный стол, рассчитанный человек на 20.

Принимаю волевое решение и все-таки сажусь на кровати.

– Оооу, наша маленькая сирена очнулась, я ждала тебя в сознании только к обеду.

– Черт, – ругаюсь шепотом, хотя могла даже не пытаться это скрыть.

Оборачиваюсь на голос, который сочится сарказмом. От моей кровати вверх поднимаются ступеньками еще около десятка таких же. На краю одной из них, сложив ногу на ногу, сидит Олли.

Знакомьтесь: Оливия – Верховная сирена воздуха.

И она вот-вот надерет мне задницу, потому что я была очень-очень непослушной девчонкой.

Она вся такая острая, будто, создавая ее, кому-то было лень работать над линиями. Даже русые волосы были идеально прямые и собраны в хвост, который достигал середины лопаток. Она выглядела самой нормально из нас. Ни татуировок, ни странного цвета волос, ни других особых примет. Не то чтобы нежно-фиолетовые волосы Сантос, еще одной

сирены земли, как и Дели, меня сильно смущали... Скорее тот факт, что фиалковый – ее натуральный цвет, заставлял задуматься над тем, какой я была в прошлой жизни. Я быстро привыкла не пялиться на руку Мел, полностью забитую цветами, и на четки вокруг шеи Дели.

Единственное, к чему невозможно подавить интерес, были шрамы от недавних ранений. Подмечая, как они постепенно покидали их тела, задаваясь вопросом, забудется ли мой страх так же быстро, как сходили эти метки.

Несмотря на то, что концентрация моего внимания после получения татуировок доходила до уровня золотой рыбки, самая безжалостная, непоколебимая и контролирующая из всех живущих на земле все еще собирается меня отчитать. Олли ловит мои глаза, а затем пару секунд мы смотрим друг на друга. Потом она встает, легко отталкивается от своей кровати, взмывает сначала слегка вверх, затем плавно приземляется на мою постель, замедляя полет, снова переплетает свои идеальные ноги. Я слежу за ее траекторией с беззастенчиво открытым ртом, мечтая научиться подчинять себе стихию так же легко. Пока это успешно через раз, но все успокаивают меня, что это пройдет с четвертой стихией.

– Я сказала тебе отдохнуть пару дней! Так тяжело просто послушать?

– У меня нет этих дней, или ты хочешь, чтобы в следующий раз Мел раскроила мне череп?

– Не думаю, что это ее самоцель! Она просто пытается...

– Мне помочь! – рычу я. – Я знаю, но то, что я не могу ей сопротивляться, откровенно бесит.

– Темные не будут давать тебе шанс! В отличие от нее...

Дерзость, зарождавшаяся во мне, тут же уходит, и я плююсь на свою новую татуировку на левом предплечье. Два вертикальных зигзага, почти незаметных в предрассветном зареве. Ниже расположились такие же, только горизонтальные: знак воды, который мне подарила Мел, и спираль на правой – воздух от Олли.

Темные... я создана для того, чтобы защищать от них и умереть, в конце концов, тоже благодаря им.

Ну, по легенде.

– Почему я тут? То есть я понимаю, что во мне есть стихия... но почему именно я? Каков был шанс?

– Я уже 10 лет задаю себе этот вопрос. Не знаю! Никто из нас не понимает, по какому принципу нас выбрали, у нас нет ничего общего, мы ничем не отличаемся от обычных людей. Все медицинские обследования это доказывают, просто считай, что тебе повезло.

– А повезло ли? – мои глаза сталкиваются с ее. Я хочу, чтобы она сказала правду, умоляю ее об этом.

Олли делает глубокий вдох:

– Думай, что это подводная лодка, и тебе некуда деться. – Ее голос стал резко жестким и требовательным, и картинка встала на свои места. – Я не скажу, что с нами легко и просто, но одновременно это поможет тебе стать сильнее, про-

ворнее и лучше. Мы – вечно молодые. Те, кто не доживают до тридцати. Это наш любимый тост. Когда будешь производить его, замени отчаянье в голосе на веселье, и все будет хорошо. Никто никогда не сможет помешать тебе принять какое-то решение, кроме меня. Я смогу сделать это разве что силой, но никто не мешает попробовать отбиться. Никто никогда не посмеет тебя осуждать, боясь отхватить по лицу. С тобой необходимо считаться каждому в этом мире. Считай, что ты и есть сама стихия, которая когда-то тебя нашла. А стихию невозможно остановить. Через пару месяцев тебя невозможно будет остановить никому...

Она продолжает говорить, а я беззастенчиво врать, кивая, делая вид, что понимаю, о чем она.

Единственное, чему меня научил Теодор на данном этапе – лгать!

Глава 2

Мы входим в огромный зал, украшенный в зеленых тонах.

Еще пару недель и у меня будет выработан рвотный рефлекс на зеленый цвет. Но делаю вид, что в восторге. Теперь просто профи в этом. Охи-вздохи и широко распахнутые глаза.

Если кто-то замечает, что я напряжена, появляется куча ненужных вопросов, например, «Что-то не так Сэм? Хочешь, об этом поговорить, Сэм?» и коронное – «Чем мы можем помочь?», после которого хочется заорать от бессилия, потому что никто не в силах объяснить, где я так нагрешила, что оказалась тут. Гораздо проще притвориться.

Все, что окружает меня – это многоярусные хрустальные люстры, старинная резьба и лепнина, свечи вперемешку со светомузыкой и куча народу, которые продолжают и продолжают глазеть на меня.

Хочу прорычать им в лицо, что я не зверушка в зоопарке, но всего лишь растягиваю темно-винные губы в приторной сладкой улыбке.

На мне легкое платье изумрудного цвета, у которого свободная юбка по колено, вырез, оголяющий ямочки на поясице. В дополнение – красивые бежевые туфли с открытым носом, которые идеально подходят под цвет кожи. Волосы собраны в неаккуратные косы, обернутые вокруг головы.

Я всего лишь красивая кукла, от которой ждут четко определенных действий.

Иду за Олли, которой не понравился мой внешний вид, но она ничего мне не сказала. Я просто прочла это в ее скептическом взгляде. А Мел... Все, что не нравится Олли, вызывает у девчонки воды обратную реакцию.

Ее, Кейт и Дели можно было охарактеризовать двумя словами – дьявольское отродье.

Они вроде довольны своей жизнью тут... но все равно не могут простить вселенной то, как она с ними поступила. И походят на вредных детей. Точнее не так... поместите женщину в тело подростка, одарите силой огромного парня и скажите, что она должна вам свою жизнь. Если до этого вас ничего не пугало – самое время обратиться в бегство.

Никто не знает, сколько нам лет. Просто что-то после 20. Да и какая к черту разница. Плюс минус 2—3 года не спасут, когда сквозь твое тело пронесется пуля.

Я каждый день смотрю видео с уроками оказания первой помощи, но в большинстве случаев я не смогу спасти своих подруг, потому что не смогу спаять края раны взглядом или срастить перелом позвоночника прикосновением.

Есть пару непреложных истин:

Сломанная шея – смертельно!

Пуля в любой жизненно важный орган без оказания мгновенной медицинской помощи – смертельно.

Артериальное кровотечение – почти всегда смертельно!

Даже для сирен.

Поэтому я держусь подальше от чьих-то рук и огнестрельного оружия. Не входить в телесный контакт, не давать противнику приблизиться ко мне, и избегать дула пистолета, направленного в мою сторону – вот то, что слышу каждый день от Олли.

Выхожу из мыслей, когда Мел переплетает свою руку с моей и шепчет на ухо:

– Не переживай, тебе просто никого не могут дать охранять. Никого не осталось, только Игорь, но он принципиально сам по себе, – она забирает выбившуюся прядь белых волн за ухо и оглядывается вокруг привычным волчьим движением глаз.

– Тебе нравится охранять Алису? – она смотрит в сторону, прикидывая несколько секунд, и пожимает плечами:

– Ну... у нее не такой дрянной характер, как мог бы быть, и она, по большей части, не доставляет проблем. А Игорь... он вроде сирены, только гораздо глупее. – Она мило морщит носик, чем заставляет меня усмехнуться на выдохе. – Даже Олли сдалась, а это нереально. Сказала нам, что он смог доказать, что ему не нужна охрана, и на этом они разошлись. Прикинь... наследнику всего сущего в Теодоре не нужна охрана... это даже не смешно...

Олли повернулась на наш шепот и шикнула, сощутив глаза. Мел отпустила мои пальцы и распрямилась, прошептав одними губами:

– Платье просто блеск! – это заставило меня улыбнуться. На ней было облегающее короткое бюстье холодного зеленого оттенка, волосы лежали аккуратными волнами на груди. Это все было мило, но кое-что выдавало в ней породу.

Дурацкие привычки, которые я тоже приобрела за последние две недели. Что-то типа, заходишь в зал и оцениваешь, сколько выходов в твоём распоряжении и которые из них будут перекрыты в первую очередь.

– Сделай хотя бы вид, что ты довольна, потому что ты похожа на загнанного волчонка. – Я злобно скалюсь на слова Олли, имитируя вовлеченность в процесс.

Да, теперь злобный оскал – моя визитная карточка, как и его друг – сарказм и их подруга – ирония.

– Извини, наверное, сегодня не мой день.

Как и последние пару недель.

Мел вновь показывается из ниоткуда и сладко шепчет:

– Ты не против, если я ее одолжу у общества... совсем ненадолго?

– Верни ее в состоянии стоять без дополнительной опоры! Ок?

– Если ты не пьешь, значит, не играешь! – парирует блондинка и тянет меня за руку, пока Олли что-то шипит нам вслед.

Но мне все равно! Безразличие – это то, что прилипает в компании сирен моментально вместе с воздухом, которым мы все дышим. Подразумевается, что это обеспечит и бес-

страшие... только это совсем не так!

Музыка отпрыгивает от груди басами, пробиваясь ко всем внутренностям!

Слишком шумно.

Слишком много народу.

Слишком много раздражителей вокруг. Все это заставляет меня нервничать.

Мы с Мел похожи на двух девочек-подростков, которые пробрались на вечеринку к взрослым. Хихикая, ныряем в толпу, и я пытаюсь не потерять ее руку, пока она расталкивает тех, кто не может самостоятельно свалить с ее пути.

– Я хочу тебя кое с кем познакомить. – Она подводит меня к высокому парню у барной стойки. У него в руках два бокала шампанского, один он протягивает Мел.

– Кирк, знакомься, это Сэм! Сэм – это Кирк, он – земля и один из самых способных. Правда, пока еще тройка, но я надеюсь, в этом году ты это исправишь. – Парень фокусирует свой взгляд на мне. Он стройный, на нем белая рубашка и болотного цвета жилетка, тонкий галстук. Его взгляд впивается в меня, изучая и запоминая мои черты лица, хотя я более чем уверена, что он знал и до этого, как я выгляжу. У него тёмные волосы в беспорядке и карие глаза, ближе к черному. Смугловатого оттенка кожа, пухлые губы, где-то недельная щетина, а сам он абсолютно дружелюбен.

– Солдат! – срывает с моих губ и заставляет покрыться стыдом с ног до головы от этого.

Уголок его губ изгибается в понимании:

– Это тебя хотят заставить взять Игоря под крыло? – он протягивает второй бокал. Я оборачиваю свои пальцы вокруг хрусталя, хмурюсь и отвечаю:

– Не уверена...

– Если это будет так, клянусь, мы будем это праздновать. – Мел включается в разговор. – Кирк – друг Игоря, и он считает, что ему нужна защита.

– Конечно, он же – придурок! – Они вдвоем начинают хотеть, а я смотрю на них как на ненормальных. Я не понимаю, что может быть смешного, если человек безответственный. Все постоянно говорят о нем то с пренебрежением, то с ненавистью, то с восхищением. Но я ни разу так и не встретила того, кому достанется то, что останется от Теодора после нас.

Кирк рассматривает мое угрюмое лицо и протягивает свой бокал с виски, глядя в мои глаза и улыбаясь, со словами:

– Вечно молодые!

От его слов мне на голову выливают ушат ледяной воды.

Девочки со сроком годности, синдром хронического отрицания.

Мне ничего не остается, как улыбнуться и принять его поздравления. Он осушает свой бокал и продолжает меня разглядывать.

– Как давно ты тут?

– Около двух недель.

– И четыре татуировки? – осматривает мои руки, рукава достаточно короткие, чтобы обнажать их, и я достаточно напряжена, чтобы они слегка переливались нежно-бирюзовым светом.

– Как-то само собой получилось!

– Ты не особо разговорчива.

– Может, потому что ты меня раздражаешь? – он усмехается в ответ.

– Продолжай в том же духе, и ты рискуешь ему понравиться.

– Кому?

– Тому, кому ты не захочешь нравиться. – Двусмысленность его фразы лежит даже не на поверхности, а просто передо мной. Предупреждение держаться подальше от его друга-придурка. – Он умеет казаться в своем уме, но никогда не думай, что это так на самом деле.

– Мел куда-то исчезла. Я поищу ее, ты не против?

– Валяй! Приятно было познакомиться, Сэм. – Он пропевает мое имя. Все тут придают этому большое значение, кроме меня. – Надеюсь, это наша не последняя встреча!

– Да мне некуда отсюда деться, так что, наверняка... – он поднял свой вновь наполненный стакан, и мы еще раз чокнулись.

Я вернулась почти на ощупь к Олли и другим девочкам, и начался круговорот. К нам подходили какие-то люди, которые со мной знакомились, я мило улыбалась и автоматиче-

чески пыталась понравиться. Олли постоянно незаметно кивала мне, когда я то и дело расплывалась в улыбке рядом с очередным гостем. Я не пила, мой бокал для шампанского был скорее для того, чтобы у них был повод ко мне подойти. Просто первый выход в свет девочки-подростка.

Меня сейчас стошнит от умиления.

Я постоянно шарила глазами по залу. Почти все гости были тройками. Нескольких я знала, видела, как Кирк разговаривал с Алисой, на которой было платье в пол мятного цвета, она скептически изучала меня и пожимала плечами на какие-то его расспросы. Мел и Кейт по очереди нашептывали мне на ухо что-то о людях, и я пыталась запомнить. А Дели стояла так, чтобы я в любой момент могла упереться в нее взглядом.

Я их квалифицировала так: Кейт взрывалась, Мел подстраивалась, Дели оставалась твердой.

Я металась.

Через час такого поведения подкралась усталость, моя улыбка уже не была такой искренней, еще чуть-чуть и она будет похожа на оскал. Я посмотрела с надеждой на Олли:

– Мне нужен глоток воздуха!

– Если бы на твоем месте был другая стихия... – взглядом щенка я умоляла ее сжалиться. – Выход там, – она кивнула на противоположную сторону зала.

Глава 3

Теодор... Небольшое государство с одноименной столицей, которая сводится к огромному замку-крепости, оборудованному по последнему слову техники. То есть буквально: от средневековья остались только стены. Камеры, датчики движения, аналитические алгоритмы, куча охраны и сирен. Я уверена, что мало кто сможет пробраться в него незамеченным. Правитель – Аркадия, или «Адская стерва», кажется, именно так ее называет Мел, после чего обязательно отхватывает подзатыльник от Олли. Мне повезло, пока еще мы не знакомы, хотя я понимаю, что с этим вечно тянуть не получится. И как раз ее старшего сыночка прочат мне в подопечные. Младшая дочь не унаследует трон, поэтому брошена на произвол судьбы и в руки Мел, чтобы не мешалась.

Население Теодора – маги стихий, различной степени сложности. У каждого минимум один контракт со стихией, некоторым даже везет с врожденным даром, но полноценные четверки есть только среди солдат или сирен. И это достигается невозможной болью. Нельзя быть могущественным счастливымчиком, не познав ее.

Такова моя реальность, и прямо сейчас я торчу на небольшой веранде с видом на лес в сторону Темных. Выбежала сюда, спасаясь от толпы желающих посмотреть на еще одну зверушку.

Наконец замедлилась, вдыхая полной грудью свежий воздух.

Иногда я отключалась от ощущения потоков, которые щекотали кожу, но это был не тот случай. За последнее время настолько сроднилась с этим ощущением, что уже было невозможно отказаться.

Оставалось несколько шагов до ограждения, когда я заметила резкое движение с правой стороны. В тот же момент со мной поравнялся парень. Резко остановившись, я уставилась на него, но не успела разглядеть, когда он заговорил:

– Ты красива! Но то, как пялишься в темноту, делает тебя похожей на наркоманку.

Первое действие: захлопнуть рот.

Второе: сделать несколько шагов от него.

Я думала, что в этом и заключалось спасение, но он отмер и пошел по пятам.

– И ты – сирена! Это... очень... интересно...

– По-моему, это так себе обстоятельство. Я – растиражированное оружие, рекламная компания которого в самом разгаре.

Прошипев слова, я развернулась, уперлась спиной и локтями в ограждение, разглядывая незнакомца.

Высокий. Светловолосый. Стройный. Подкаченный.

Мы не встречались с ним раньше.

Прическа неаккуратна, но я больше чем уверена, что он потратил на это очень много времени. Напускная небреж-

ность. Иссиня-черный приталенный костюм и тонкий черный галстук. Руки спрятаны в карманы. Он идет ко мне расхлябанной походкой.

Но все напускное.

Движения его глаз говорят, что он собран и контролирует ситуацию. Напряжение тела – о том, что он физически не упустит момент уйти от атаки. Мне не видно, сколько у него татуировок, но могу догадаться, что с такой уверенностью в себе, не менее трех.

Либо он мастерски блефует.

Его взгляд пробегает по мне с ног до головы. Сапфировые глаза замирают, останавливаясь на губах. Он молчит, но не отводит глаз.

При этом останавливается на безопасном расстоянии, которое, если что, даст пространство для маневра. И лицо озаряется ухмылкой. Наглой такой и полной самодовольства. Она просачивается сквозь его губы, превращая в убийственно опасного, показывая истинное лицо за маской безразличия.

Я проглатываю воздух, потому что у меня моментально пересыхает горло и молюсь, чтобы он шел себе своей дорогой.

Откровенно красивые парни всегда меня смущали. А он был просто идеален со своим мужественными скулами и живыми глазами.

Игрок.

– Так, как тебя зовут сирена воздуха? Или ты еще не определилась? – теперь он смотрит в сторону, как будто ему стало вообще все равно.

– Я не забывала имени! – его глаза возвращаются к моим слишком резко, чтобы скрыть то, насколько это удивляет. Но я не продолжаю.

– Интересно... – он почти шипит это слово. – Выпить хочешь?

– Нет, спасибо! – Он вынимает небольшую фляжку из внутреннего кармана и протягивает мне. – Я же сказала, что не хочу!

Пожимает плечами и делает глоток из нее, прикладывая тыльную сторону ладони к губам после. Как будто залил туда чистый спирт, ну или никак не меньше абсента.

– Ну, мало ли, ты можешь передумать. Мне нужно знать, кого мне хотят навязать.

Застываю... и до меня доходит.

Игорь, конечно! Блондин, голубые глаза, линия губ точно такая же, как у Алисы. Могла бы и раньше догадаться.

– Вот черт! – выдыхаю я разочаровано.

– Я не он, но есть множество слов, которые подойдут для меня в сочетании с «чертовски». Например, красивый, привлекательный, сексуальный, умный и...

– Придурок!

Он щурится, имитируя то, что это определение для него ново.

– Давай сразу разберемся: я не в восторге от тебя. – Его глаза замыкаются на моих. Да, он прав – все те слова определено про него. Но я этого никогда не признаю и просто продолжаю. – И не собираюсь тратить свое время и силы на недисциплинированного идиота, который носит с собой на прием, на котором итак льются реки алкоголя, еще и свою фляжку. Боишься, что на твою душу не хватит?

– Считай, что это был тест на профпригодность.

– А сейчас будет тест на слух: да пошел ты!

Он застывает, его взгляд становится холодным. Он делает шаг ко мне, сокращая дистанцию вдвое:

– Не дерзи!

– А то что? Прикажешь меня выпороть? Ни один из твоих солдат даже не чихнет в мою сторону! И, кстати, я не собираюсь быть твоей собачкой-поводырем!

– О да, любая девчонка из твоих готова отдать...

– Что? – его губы пытаются сформулировать достойный ответ, чем вызывают нервный смехок у меня. – Ты – проблема, а не привилегия! – губы вновь превратились в презрительную нить, и его взгляд замирает на месте, где моя шея переходит в ключицу. От него веет чем-то нехорошим. Чем-то, о чем я пожалею. Он шагает ко мне вплотную и проговаривает на ухо...

– Давай так: я отрежу тебе твой дрянной язык и гарантирую, что после этого мы поладим, милая.

– Спасибо за предложение, но мой язык мне гораздо нуж-

нее, чем ты.

Я сделала два шага от него и перенеслась в зал. А он кричал мне вдогонку что-то о том, что нам стоит познакомиться поближе, и что он будет очень хорошо себя вести...

Торможу рядом с Олли, и по ее лицу пробегает гримаса неудовольствия, потому что вместе со мной ее легкое платье разлетается в разные стороны. Она тут же рычит:

– Я говорила тебе, постарайся не перемещаться в толпе, ты можешь...

– Все под контролем, и ты это знаешь, просто перестраховываешься. – Как только я это озвучила, сразу поняла, что стоило прикусить язык. Но уже Олли шипит мне в лицо:

– Саманта, что-то случилось? – я напускаю легкую улыбку на свои губы и расслабляю лицо. Мускул за мускулом заставляю беспокойство покинуть меня.

– Нет, все хорошо, просто меня утомляют люди. – Она бежит по мне глазами, ищет признаки вранья, но я лишь наклоняю голову на бок и закатываю глаза. – Олли, прекрати! Я в порядке. В конце концов, я не маленькая девочка и могу о себе позаботиться сама. Тут ни одного темного. Все свои. Мне не угрожает опасность.

Все равно, чтобы я не сказала, она уже поставила мне диагноз – слишком беспечна.

Просто Игорь оказался немного не таким, как я его представляла. Или совсем не таким.

– Иногда угроза, которая исходит изнутри, намного опаснее. Ее можно проглядеть. Она может затаиться, ты и не заметишь, как очнешься в такой заднице, из которой нет выхода.

– Олли, я поняла! Все хорошо! Я буду смотреть в оба! – говорю я, сопровождая свои слова жестом у глаз. Она понимала, что я соглашалась, чтобы успокоить ее, но кивнула и пропустила меня к Мел, Кейт и Дели. Они о чем-то перешептывались. Мел скептически смотрела на двух других девочек. Кейт накручивала свой локон на палец. В незанятой руке балансировал бокал с ярко-оранжевым коктейлем. Дели первая заметила меня и улыбнулась. Как обычно.

– Где была? – Судя по веселому тону Мел, та маргарита, которая была у нее в руках, не первая и не вторая. Я отвела глаза в сторону, чтобы не встречаться с ней взглядом, не дать понять, что я в замешательстве, и ответила.

– Воздухом дышала... – И после паузы выдавила из себя. – С Игорем познакомилась.

Все трое замерли, глядя на меня в ожидании хоть какой-то реакции. Но я очень хорошо запомнила, что Теодор – это то место, где люди не должны знать, что у тебя внутри.

– И как? – осторожно прошептала Дели.

– Мудак!

– Отличное резюме. – Пожала плечами Кейт, новость об Игоре отвлекла, и она наконец оставила в покое свои волосы. – Он любимец Мел, а я полностью с тобой согласна.

Не люблю блондинов.

– Да, ты любишь татуированных брюнетов!

В следующие секунды происходит две вещи: Кейт выплескивает содержимое бокала Мел в лицо.

Мел оставляет ее в живых и только выдавливает, смахивая воду:

– Заслужила!

Я пытаюсь не разинуть рот от удивления, а Кейт, как ни в чем не бывало, переключает внимания на меня:

– Ну и как тебе наш принц?

Я смотрю, как Мел приводит себя в порядок. В ней действительно нет обиды на подругу, более того, в ней действительно есть раскаянье.

До этого я думала, что она не способна на такие эмоции. Кейт поднимает бровь, намекая на то, что, если я решусь сейчас спросить про это, следующий бокал найдет мое лицо.

– Он... он был довольно груб, и... самоуверен, и надоедлив, и...

– Это Игорь, ты привыкнешь, в его предложениях действий не больше, чем хватит, чтобы раздражать тебя. Все просто: кого-то недолюбила мамочка, и теперь этот кто-то отчаянно жаждет внимания. – Она кивнула мне. – Хочешь маргариту? Мы решили, что позже нам наверняка захочется текилы, так что...

Еще одна мантра сирен: если веселья недостаточно – выпей!

– Да! – и она протягивает мне бокал с напитком цвета коралла. Судя по вкусу, текилы для нее не пожалели, но мне очень нужно, чтобы меня отпустило странно чувство его присутствия, поэтому я делаю несколько больших глотков залпом.

– Полегче...

Я пожимаю плечами и делаю еще один большой глоток, смотря в сторону, куда приклеила встревоженный взгляд Мел.

Застываю с бокалом у рта и кучей дробленого льда в нем, от которого сводит зубы. Потому что через пустой танцпол вальяжно, но целенаправленно, к нам продвигается Игорь, на которого смотрят все. Он схватил мои глаза своими и идет на ощупь, не отрывая взгляд.

Зачем?!

Походка настолько звериная, настойчивая, что я понимаю, чего бы он ни хотел – у меня нет шансов. Параллельно он расстегивает пиджак, ослабляет галстук, раздвигает ворот рубашки и улыбается хищной улыбкой, обещающей приключения четко определенного характера.

Волшебно.

Тут есть всего один ненормальный, и он заинтересовался мной.

Игорь подходит к нам вплотную, все еще не отрывая взгляд, пока я давлюсь льдом из коктейля, а мой желудок сводит от холода.

– Привет, Мел! Мне кажется, моя сестра нашла очередного козла, и у нее пора вырывать из рук выпивку, чтобы не вытаскивать через час из его постели. – Наблюдаю за Мел, которая одной рукой обнимает себя, другой подносит бокал ко рту как ни в чем не бывало. На ее лице не дрогнул ни один мускул от его замечания, и она ответила холодным безразличным тоном:

– Не переживай, у нас с Алисой уговор: я даю ей пить и поселиться, она не прыгает ни к кому в постель. Все четко. Или сразу тащу ее к Аркадии, и на этом ее веселье заканчивается на следующие несколько месяцев. – Игоря не удовлетворяет ее ответ, он хотел, чтобы Мел метнулась к его сестре, но она не собиралась меня оставлять. Он на секунду стискивает челюсть и отворачивается от меня, встречаясь с ней глазами.

– Ты все еще одна? Неужели никто не готов справиться с цунами? – но опять мимо. Она наклоняет голову к плечу и щурит глаза:

– Чего тебе надо?

– Я пришел познакомиться с той, которая будет меня охранять.

– Ты отказался от охраны.

– Я же не знал, что это будет она.

– Если ты согласишься, к тебе приставят кого-то другого.

– У меня, знаешь ли, слабость к неопытным...

– Это ничего, что я стою тут? Не смущает? – оба опешили и уставились на меня. – Я сама могу за себя постоять, спа-

сибо.

– О, да! Я это уже почувствовал на своей шкуре. – Мел хищно оскалилась, в ответ:

– Шкурка выделки не стоит! – но он уже переключился на меня. При свете его глаза обнаружились пронзительными и ярко-голубыми. Холодные как лед. Но живые. Он не просто смотрел на меня, а ловил реальность, как и то, что происходило вокруг.

Еще шаг, еще ближе ко мне.

– Потанцуем? – я на автомате делаю один назад и упираюсь спиной в барную стойку. Это слишком близко, я не могу его терпеть в своем личном пространстве. – Или может, ты не умеешь? – у меня перехватывает грудь смущением от его улыбки, но я отвечаю:

– Если я буду вести!

– Прости, милая, но это удовольствие я не могу тебе доставить. – Его голос бархатом обволакивает мои внутренности. Он привык, что со всеми это срабатывает и выгибает бровь. Я автоматически улыбаюсь, отвожу глаза и смотрю на Мел, у которой на лице застыло выражение, говорящее, что я захожу в опасную зону.

Игорь переводит свой взгляд за моим и говорит ей.

– Ты же не против? Прикроешь периметр?

– Она же сказала, что сама сможет за себя постоять! – шипит подруга. – И, знаешь ли, я верю ей. У нее отличный удар правой, ты бы поаккуратнее. Слюнками своими не запачкай

платье. – Мел опускает на себя безразличный вид, возвращаясь к сиренам, а я допиваю остатки маргариты, ставлю бокал на барную стойку в тот момент, когда Игорь берет меня за руку и тащит в центр зала. Я чувствую все взгляды на себе, и это взрывает изнутри. К тому же каблук – все еще не мой конек. Игорь держит темп, в котором я еле ковыляю. Наконец, он разворачивает меня рукам. Из-за обуви разница в нашем с ним росте не такая заметная, хотя я понимаю, что достаю ему разве что до подбородка.

Рука ложится на мою голую спину, и Игорь шепчет мне на ухо.

– У тебя такая нежная кожа, сирена воздуха, как будто...

– Может, помолчим? – он хотел что-то продолжить, но смотрит на меня и выдыхает, начиная усмехаться. – Или ты реально считаешь, что твои дешевые фокусы прокатят?

Игорь ничего не отвечает, крепче прижимает свою руку к моей спине, меня к себе, и мы начинаем танцевать. Он больше не смотрит на меня и разговаривает поверх макушки.

– Ты знаешь, сколько местных девчонок отдали бы руку на отсечение, чтобы оказаться на твоём месте?

– Не знаю и мне все равно. Я думала, мы ранее определились, что твои представления о своей значимости в корне отличаются от реальных.

– Между прочим, я и сам не помню, когда в последний раз танцевал с кем-то.

– Мне не интересно!

Он проворачивает меня под рукой и кладет к себе на предплечье. Из-за неожиданности мне пришлось полностью положить на него. Лицо Игоря резко оказывается рядом с моим, я вдыхаю слишком глубоко, заглатывая терпкий запах специй. От всего этого кружится голова. Его глаза в нескольких сантиметрах от моих, и он так уверенно шепчет:

– А я хочу, чтобы тебе стало интересно!

Чтобы ответить мне приходится делать нечеловеческие усилия над собой.

– Тебе придется приложить много сил.

– Твои подружки уверены, что ты – воздух? Потому что я думаю, что ты – земля!

– А ты – идиот!

Он стискивает зубы, его бесит то, что ко мне не подобрать. Он дергает меня за руку, ставя на ноги, и мы продолжаем наш танец.

– Словно бродячая собака... огрызаться не надоело?

– А ты давишь на меня с первой секунды. Реально рассматривал другой сценарий?

– Ок, давай начнем с начала. Как тебя зовут сирена воздуха?

– Ты знаешь! Это все уже знают!

– Хорошо... тогда, как ты хочешь, чтобы тебя называли? – это меня трогает, совсем чуть-чуть. Неужели так видно, как меня передергивает от звучания своего полного имени. Я думаю и спокойно выдыхаю.

– Сэм! Мне нравится, когда меня зовут Сэм.

– Хорошо, Сэм! Мне кажется, тебе подходит это имя. Хотя ты и говорила, что не забывала его.

Он резко дергает меня на себя и поднимает мою ногу, ведет по бедру, приподнимая юбку платья. От его прикосновения по моей коже ползут трещины. Оно слишком мягкое и никак не клеится с тем стилем, в котором мы проводим последние полчаса. Нет напора, он скорее боится пройти лишний сантиметр и ждет, когда я его просто остановлю, не отрывая параллельно за это кисть.

Он просит разрешение своим взглядом... очень странный способ...

Хочет что-то сказать, но рука попадает на нож, закрепленный на моем бедре. Выражение его лица подобно ребенку, который неожиданно обнаружил подарок под новогодней елкой. Брови ползут вверх, зрачки расширяются, дыхание углубляется.

Я просто вопросительно тарашусь, надеясь, что это делает меня антисексуальной.

Он отпускает мое несчастно бедро, прокручивает под рукой и прижимает к себе снова.

Ненавижу такие томные танцы. Я чувствую мышцы его груди своей ключицей.

Слишком близкий контакт. Мое тело невозможно оторвать от него.

К тому же, судя по его хватке, он не даст мне этого сделать.

– Ты в хорошо охраняемом помещении, с кучей более опытных сирен и прокаченных солдат внутри и снаружи, на приеме в твою честь, и у тебя с собой нож? Твои подруги знают об этом? – Он кивает в сторону Мел, Кейт и Дели, которые напряженно наблюдают за нами. Мне кажется, я впервые вижу брови Дели сведенными до той степени, когда на ее лбу образовалась складочка.

Дели никогда не обижается. Не хмурится и не беспокоится.

И уж точно это не Дели, которая, глядя на Игоря, медленно, но уверенно показывает неприличный жест, включающий в себя средний палец. Что не остается не оцененным моим партнером.

– Твои подруги очаровательны как никогда сегодня. Так мило, что они беспокоятся о тебе... Они же не знают, что у тебя с собой оружие!

Я молчу, решив, что если не отвечать, то он наконец-то заткнется.

– Проведи рукой за моим поясом. – Я хмурюсь, не понимая, в чем смысл. – Не стесняйся. Тут все привыкли к тому, что меня начинают раздевать еще до того, как заходят в мою спальню. – Я все еще не хочу делать то, о чем он просит, что вызывает еще один тяжелый вздох. – И я не привык упрашивать об этом, но, пожалуйста, сделай одолжение и залезь ко мне в штаны!

Я смотрю на него в упор, в глазах играют слишком хитрые

огоньки. Он подавляет желание засмеяться, пока моя рука неуверенно скользит между его прессом и поясом брюк. Решаю, что любопытство меня погубит, надеюсь, что у меня пока не текут слюни. Я пытаюсь взять под контроль кровь, которая так и норовит прилить к щекам, и в этот момент нащупываю два ножа. По одному для каждой руки, плотно прилегающие к телу.

– Что за...?

– Видишь, я не страшный, а теперь продолжай вбирать кислород в себя, милая. Твоя смерть от удушья не входила в мои планы! – он довольно улыбается, и мы продолжаем двигаться по кругу, когда я впускаю новую порцию воздуха в себя.

– Хм, наверно девчонки удивляются, когда ты начинаешь раздеваться, а там...

– Я никогда не делаю это самостоятельно, так что, они сами находят моих друзей...

– Фуууу... – он засмеялся, запрокинув голову. Так по-детски, что я опешила и почти запуталась в шагах.

– Да ты у нас не испорченная...

– В отличие от тебя, которого уже некуда дальше извращать.

– Ну, я не виноват, что все считают, что они могут стать моей единственной...

Я посмотрел в сторону Мел, которая переговариваясь с Олли. Выражение ее лица не предвещало для меня ничего

хорошего и для него тоже. Она не собиралась ему меня отдавать. Он проследил за моим взглядом, и рука на моей спине вжалась мертвым хватом в ребра. Он начал меня кружить. Его губы прижались к моему уху:

– Ты приятно пахнешь. Я бы хотел почувствовать это как-нибудь с утра. Или вечером. Послушай, когда начнешь меня охранять, может, переедешь ко мне? У тебя же должен быть доступ к телу. Я обещаю не водить девчонок и...

– Я – сирена, а не нянька, и одного твоего желания слишком мало, чтобы получить меня в свои личные лакеи.

Он затыкается своими же словами, а я, пользуясь моментом, ухожу, оставляя его посреди зала.

Ровняюсь с Олли, наши плечи почти касаются, но я стою спиной к Игорю.

– Я не хочу его охранять!

– Никто не хочет его охранять. – Она делает паузу и ободряюще улыбается мне, говоря шепотом. – Умница!

Я оборачиваюсь, а он до сих пор стоит и пялится на меня с ухмылкой, которая говорит только том, что его мотивация зашкаливает после нашей с ним милой беседы. К нему уже подлетела недовольная Алиса, он осмотрел ее, взял под руку, чтобы ей было проще стоять. Она была пьяна и недовольна тем, что он только что делал. Его выражение сменилось на снисходительное и заботливое. Черты лица смягчились. Он не слушает, но кивает Мел, что сам отведет ее домой, и они медленно двигаются из зала.

Глава 4

Я просыпаюсь от прикосновения к моей руке.

Это Олли. На ней зеленая футболка и простые джинсы. Волосы как всегда в конском хвосте на затылке. У меня пробегает мысль о том, какая же она все-таки зануда, потому что никогда не дает себе возможности расслабиться. А затем мои глаза встречаются с ее.

Что-то не так!

Я приподнимаюсь на локтях в постели, хочу спросить, что ей от меня нужно, но она прижимает к губам указательный палец и манит за собой.

За окном расцвело, но все спят. Слишком рано. До утренней тренировки полтора часа. Я встаю с кровати и перемещаюсь за ней прыжком к нашему обеденному столу, на котором остались стопки с недопитой текилой, куски выжатого лайма и табаско, потому что Кейт любит погорячее. Тихонько прохожу в гардероб. Когда она закрывает за мной дверь, то начинает сосредоточенно говорить:

– Одевайся, я принесу тебе кофе и бутербродов, у нас минут 20 до встречи с Аркадией.

– Что? – чувствую, что мимика моего лица слишком живая для 6:30 утра.

Губы Олли искривляются в непонятной форме, которая не говорит ни о чем хорошем. Она закатывает глаза и про-

износит:

– Игорь развел детский сад и побежал жаловаться мамочке, что я не даю ему стража.

– Прошло каких-то 5 часов с тех пор, как мы с ним пре-рекались...

– Я приготовила одежду для тебя. Не тормози. – Она кивает на кучу шмоток, которые валяются на одном из пуфиков. До того, как она выскальзывает за дверь, я не успеваю сказать ей, что это почти меня не задевает.

Просто он меня бесит.

В памяти всплывает его лицо в тот момент, когда он обнаружил нож на бедре, как будто это сложило в его голове какой-то пазл.

Я залажу под холодный душ, чтобы окончательно проснуться, потому что мне кажется, что происходит полнейший бред. Вытираюсь насухо, одеваюсь в узкие джинсы и такую же футболку как у Олли. Шнурую простые черные кеды в тот момент, когда она возвращается в гардероб и ставит кофе и два сэндвича на один из столов перед большим зеркалом с идеальным освещением для нанесения макияжа.

– Волосы! Сделай что-то с ними. Это уже не просто знакомство. – Она смотрит, в то время как я удивляюсь и пытаюсь понять логику сказанного.

– Что ты от меня хочешь?

– Чтобы она восприняла тебя всерьез!

– Думаешь, она поведется на то, что я за неделю смогла

стать кем-то достойным приближаться к ее сыну?

– Просто ненавижу вашу расхлябанность. А этот твой легкий беспорядок с волосами просто бесит. При таком раскладе она, скорее всего, захочет тебя побрить!

– Но не сделает этого, потому что брить сирену – самое бесполезное занятие на свете.

Я улыбаюсь, довольная своей шуткой. Олли смотрит на меня с желанием отправить обратно на тот свет.

Кусаю внутреннюю сторону щеки и заплетаю волосы в колосок, когда коса становится достаточно длинной, перекидываю ее через плечо на грудь.

– Так лучше?

– Да! Ешь свой завтрак!

– Не хочу!

– Потом вообще ничего в себя запихнуть не сможешь!

– Я сама хочу решить, когда буду есть.

– Ты не совсем... – она вздыхает и стискивает руки в кулаки... – ладно, иногда я перебарщиваю, но совсем чуть-чуть! Сделай пару глотков кофе, чтобы начать соображать, и мы пойдем.

– Я сделаю это, потому что не хочу, чтобы ты продолжала дергаться, хотя холодный душ вполне вернул мне чувство реальности.

Тянусь к кружке и заставляю себя проглотить три огромных глотка, что удовлетворяет Олли на время. После чего мы тихонько переносимся сквозь нашу комнату. Как толь-

ко оказываемся в коридоре, переходим на обычный темп и идем молча. Перед последним поворотом Олли хватает меня за руку:

– Если тебе чего-то не хочется говорить, сделай так, чтобы она не спросила. И чтобы там не случилось... – она выдыхает и не заканчивает фразу, из-за чего мерзкий холодок пробегает по моей спине.

Олли боится Аркадию, но пытается внушить мне не бояться ее.

Мило.

Мы выходим из-за угла и оказываемся лицом к лицу с виновником торжества.

На нем обычные джинсы и футболка белого цвета. Волосы торчат в разные стороны, но не так элегантно, как вчера. Видно, что он потрепан. Либо он проспал и собирался наспех, либо его ночь удалась.

Решаю, что вариант с малым количеством сна – мне нравится больше.

На фоне светлых волос и белой футболки его глаза как будто светятся флуоресцентным светом.

Очень ярко.

Очень холодно.

Он смотрит на мою косу, и в том месте кажется, что к моей коже прикладывают лед. Дерьмо...

– Привет, Олли! – он шагает и целует ее щеку, и сирена принимает это как должное. – Привет, Сэм! – в мою сторону

телодвижений не последовало. Он хотел еще что-то мне сказать, но в двери активировалась панель, и мы начали идентифицироваться.

– Оливия, Верховная Сирена Воздуха.

– Принц Игорь, – он посматривал на меня, надеясь на реакцию по этому поводу, но меня это не впечатляло.

Они ждут, пока я туплю...

– Милая, назови свое полное имя и статус. – Его голос слаще патоки и боковым зрением вижу, как напрягается Олли.

– Саманта, сирена воздуха, и я тебе не милая!

В ответ от него я получаю кривую наглую усмешку.

Но дверь без ручек пришла в движение, и мы вошли.

Зал украшен в зеленых и серебряных цветах. Вдоль одной из стен шли панорамные окна, открывающие вид на бескрайний лес, впуская солнечные лучи. Пол выстелен светлым деревом, на стенах свисают драпировки и символы, которые соотносятся с отметинами на руках сирен. В центре, на помосте восседает женщина, блондинка. Сколько ей лет, я не могу понять и даже предположить. Тот момент, когда внешность человека не соотносится с взглядом, которым он обладает. Ее волосы идеальным шелком спускаются на плечи и, кажется, что она не жива, потому что я не могу уловить движения груди при дыхании. Взгляд впивается в меня и изучает, что заставляет инстинктивно пытаться слиться с местностью. Ледяной голос блондинки разрывает тишину:

– Она мила.

Проходит пару секунд, прежде чем до меня доходит, что блондинка говорит не о какой-то зверушке, а обо мне.

Игорь перенесся к матери, чтобы поцеловать ее в щеку, а мы с Олли остановились где-то посередине, хотя я с удовольствием постояла бы за дверью.

И теперь мы молча глядим друг на друга. Градус неловкости поднимается до небес. Аркадия слегка прищуривается, и я почти делаю шаг назад, когда ее голос замораживает меня:

– Я слышала, что тебя зовут Саманта...

– Меня зовут Сэм, – шиплю я себе под нос!

– Ты что-то сказала, милая?

– Тебе показалось, мам! – Отвлекает на себя ее внимание

Игорь, одаривая меня взглядом, обещающим смерть. – Она лучше откликается на «Сэм». – Я мысленно выбиваю из него все самодовольное дерьмо.

Она продолжала пожирать меня глазами. И я пропускаю момент, когда теряю контроль буквально на секунду, которой достаточно, чтобы мои татуировки полыхнули бирюзой.

– Правильно ли я тебя поняла, дорогой? Ты хочешь себе ту, у которой плохо с самоконтролем?

Есть! Да! В моей груди поднимает голову надежда. Я хочу проорать ей: «Сомневайся во мне! Подумай о том, насколько я неопытна. Почувствуй, что он ведет себя как младенец...»

– Она хороша в ситуациях неопределенности, – парирует Игорь.

Но Аркадия все рассматривает меня, и даже Олли начинает нервно двигать кистью. Один уголок рта Аркадии приподнимается, и она нараспев произносит:

– Хотя она тут не больше двух недель и уже получила все стихии. При любом раскладе она одна из самых способных. – Мы молчим, нам просто нечем оправдать мое любопытство. – А теперь попытайся объяснить, почему ты не хочешь отдать ее стражем моему сыну? Если она такая замечательная?

Мои руки сжимаются в кулаки и, кажется, даже Олли готова признать: мы тонем.

– Игорь 3 года назад сам отказался от любой защиты. Мы заключили сделку, с которой вы согласились. Что изменилось за это время? Почему я должна ему давать неопытную, пусть и очень способную, девочку? В этом нет логики!

– Я смогу ее многому научить! – двусмысленность в интонации его фразы лежала так близко к поверхности, что я захотела его придушить. Представляю, как переносусь к нему и хватаю за горло. Он отвечает моему взгляду чуть поднятым уголком губ. Неужели он это поощряет?

– Игорь, мы не успели ее подготовить! Это глупо! Она даже темного от нас не отличит, если встретит по дороге!

– Это не глупо, – в их перепалку влезает Аркадия, – сейчас у нас спокойно и опасности нет. А мне будет приятно знать, что рядом с ним есть кто-то, способный думать трезво. Она производит подобное впечатление.

Интересно она это поняла из того, что я молча пялюсь на них?

– Но Аркадия... – она поднимает перед собой руку, и Олли замолкает. Я вижу, как бешено пульсирует у нее на шее артерия. Она в панике от беспомощности. Ее руки сжимаются в кулаки и разжимаются вновь и вновь. Моя Верховная проиграла...

– Это мое решение. Не думала, что когда-то мой сын пойдет на такое, и я рада, что он готов немного подвинуть свое огромное эго и дать вам возможность позаботиться о нем.

– Он столкнет ее в могилу!

Игорь, рассматривающий вид за окном, тут же оказывается рядом с нами и шипит Олли в лицо:

– Не больше, чем ты – Верховная! Не. Больше. Чем. Ты!

Я готова поклясться, что слышала скрежет зубов Олли и то, как она подавляет желание надрать задницу мелкому выскочке. Но она берет себя в руки и обходит взглядом Игоря:

– Аркадия, я сама стану его стражем!

– Но ты не можешь! – нервный смешок. – Ты – уже мой страж!

– Я могу дать более опытную...

– Мне нужна она! – голос Игорь был настолько требовательным, что я опешила.

– Выбери любую другую, но оставь ее в покое.

– Я сказал, что я хочу ее, – опять двусмысленность, – боль-

ше я ни на кого не соглашусь, поэтому, мама, если хочешь, чтобы со мной болталась одна из них, то это будет Сэм.

– Я вообще-то тут! Не нужно разговаривать обо мне, как о вещи. – Он бросает на меня гневный взгляд, который говорит: «Заткнись и не будь дурой».

– Видишь, она уже пытается поставить его на место! Это то, что нам нужно!

Чтоб тебя.

Чертов избалованный мальчишка!

Я так сильно стиснула зубы от злости, что мне кажется, они сейчас раскрошатся.

Олли молча разворачивается и переносится вон. Мне ничего не остается, как неловко попрощаться и, мямля себе под нос, удалиться за ней. На выходе нас нагоняет Игорь. Олли не обращает на него внимания ровно до того момента, как мы поворачиваем за угол.

В секунду она напрягается, толкает его к стене. Прижимает горло своим предплечьем и смотрит прямо в глаза. От доброй, понимающей, кроткой Олли не осталось и следа. Ее волосы скручиваются в пучок и это наверно первый раз, когда я вижу ее трансформацию.

Глаза источают ненависть. Вся она напряжена как струна. Игорь поднимает руки в знак того, что не собирается с ней драться, но ей все равно. Она прижимает его, не оставляя шанса на то, чтобы удрать.

– Я не знаю, что ты задумал, Игорь, но мне это не нравит-

ся! Мне это очень не нравится, милый! Я не могу не подчиниться только твоей матери, но не тебе. Не дай Бог с головы Сэм упадет хоть один волос. Появится хоть одна царапина, которой можно было бы избежать. Упаси тебя от того, чтобы ты подверг ее ненужной опасности и в особенности от того, что я про это узнаю! Клянусь, что превращу твою жизнь в ад! А если с ней что-то случится... – она поднимает бровь, – я буду мстить тебе с такой изощренностью, с которой не смогла бы сделать этого даже твоя мать! Ты меня понял?

– Это ты не понимаешь... – он впервые говорил серьезно, не заигрывая! Хотел донести до нее информацию. Но она рывкнула еще более устрашающе, чем до этого:

– Я спрашиваю, ты меня понял? – губы Игоря вновь расплываются в слишком сладкой улыбке. Вот она – визитная карточка принца Теодора – пыль в глаза.

– Я тебя понял! Не кипятись! Я не собираюсь прикрываться ею от темных! – но она уже двинулась в сторону нашего дома.

– Пошли, Сэм, скоро начнется тренировка.

– Вообще-то я хотел забрать ее к себе! Показать, где живу...

Олли замирает и медленно закрывает глаза, глубоко вдыхает и смотрит на него взглядом, от которого, по моим расчетам, должна образовываться дыра в теле.

– Ты тупой? Я тебе только что... – ее татуировки моментально засветились белым, и она устремилась к нему, соби-

раясь убивать. В два шага я оказываюсь между ними и вскидываю руку в предупреждающем жесте перед ее лицом. Голос Игоря раздается из-за моей спины, пока она пытается понять, что я творю:

– Олли, уймись! Она вернется к началу!

– Она еще не ела!

– Я ее покормлю!

– Хватит!!! – рычу я, и они, наконец, обращают на меня внимание. – За последние 12 часов меня обсуждают в моем присутствии уже третий раз, как будто меня с вами нет! Может кто-то спросит моего мнения?

Это, по крайней мере, заставило их заткнуться на пару секунд. Оба молча пялились на меня: Олли в своем желании меня защитить, Игорь в том, чтобы забрать.

Дурь какая-то!

– Можешь пойти с ним, если хочешь! Но чтобы к восьми была дома.

– Ты опять, как...

– Ты меня слышала?

– ДА!!! Тебя слышал весь Теодор! Не только я! – воплю я в ответ.

И она переносится вон.

Я поворачиваюсь к Игорю, который расслабляется:

– Она очень крута! Но иногда перегибает палку!

– Так сильно, что дышать нечем! – он качает головой, одобряя мои слова, и застывает, глядя на меня.

– Пойдем, я напою тебя кофе. Еды у меня дома, честно говоря, нет!

– Не важно, я и не хочу!

– Это плохая привычка для сирен! Вы тратите слишком много... – я переносуюсь к нему и щелкаю пальцами у его глаз.

– Послушай, я только что избавила нас с тобой от Олли, не занимай ее место! Не нужно меня учить! Я сама знаю, что, когда и зачем мне делать!

– Просто она права, ты еще...

– Просто хватит про это, ладно?

– Просто я обещаю, что в следующий раз я действительно позабочусь о завтраке для тебя.

Я поднимаю одну бровь и даю пройти мимо, чтобы пойти за ним.

Прекрасно понимаю, что по факту я – ничтожество! У меня есть сила, но я не знаю, как ею пользоваться. И теперь у меня есть еще он! Я чувствую его запах вокруг себя и вспоминаю, что Мел проводила очень много времени вместе с Алисой! Слишком много. Я не хотела столько же проводить с ним, я прекрасно осознаю, насколько это опасно. Особенно если учесть, что я как замороженная наблюдаю за движением его мышц под футболкой.

Просто должна признать – он потрясающий внешне, а я совсем-совсем-совсем не знаю, что прячется за этим видом. У сирен плоховато с эмпатией, они предпочитают принцип

«бей или беги».

Когда мы подходим к огромной резной двери, он вставляет пальцы справа под косяк, комментируя:

– Направляешь вот сюда струю воздуха, и она открывается, я настрою дверь, чтобы она тебя узнавала. Единственное что, иногда думай, когда ко мне идешь, я не могу запрограммировать ее так, чтобы она, то узнавала тебя, то нет. По утрам я могу быть не один! – он поднимает одну бровь. – Особенно по выходным!

Вот он – настоящий Игорь! Радостно вталкивает меня внутрь, делая вид, что не замечает, как вот-вот у меня из ушей повалит дым.

Меня поражает только один факт – комната длиною метров 40. Да сирены все ютятся в пространстве практически равному его комнате. Вдоль одной из стен идут окна, огромные окна. Высотой до потолка. Он замечает, как я пялюсь на них.

– Что я могу сказать, – он делает движение руками вокруг себя, – я – воздух и люблю пространство! Ты должна меня понять.

– Я – воздух и я не знаю, что я люблю, – мямлю я в ответ.

Он шагает влево, где расположена небольшая кухня и стол на шестерых. Открывает холодильник и включает кофеварку. Я прохожу дальше. Возле окна у стены стоит большая двуспальная кровать с колоннами в лучших традициях извращенцев. К тому же, она развороченная, и в ней спит дев-

чонка. Ее почти не видно, только белые волосы торчат из-под одеяла, и одна нога с красным лаком для ногтей свисает за пределами постели!

Я перемещаюсь к нему и шиплю на ухо.

– Зачем ты меня сюда привел, если у тебя тут... – я не знаю, как правильно выразиться, потому что не хочу ругаться матом. Поэтому просто неистово тыкаю в сторону кровати пальцем несколько раз.

Игорь стоит с кружкой для меня, насильно оставляя ее в моих руках, и говорит обычным голосом:

– Успокойся! Это Алиса! Она пьяна и проснется не раньше обеда! Она все еще живет с матерью, потому что ей нет 18, и я не мог допустить, чтобы она вчера ночевала там. Ты сама видела, как я ее уводил! – я вдыхаю и пытаюсь собрать себя в кучу. Он меня приводит в замешательство своей двойственностью. – Располагайся! Она спит как убитая! – я присаживаюсь на стул, который дает возможность мне видеть кровать и остальную комнату. На противоположной стене спрятана дверь в ванну. Справа от кровати барная стойка с высокими стульями. Отмечаю огромные колонки. Конечно же, он любит вечеринки. Конечно же, он может себе это позволить. Конечно же, мне теперь придется с этим мириться.

– Нравится моя комната?

– Нет!

– Почему? – Он присаживается напротив. Только сейчас я

замечаю, что для меня он приготовил латте с мятным сиропом. Откуда он знает, что я его люблю??? Я строю цепочку – Алиса видела, как я пью его у нас. Еще изображала рвоту, узнав состав. Наверняка, она и есть источник информации. А что, если он специально подсылал ее к нам, чтобы узнать что-то обо мне?

И к тому же, мне по правде нравятся его огромные окна. Они дают ощущение свободы.

– Я бы не смогла тут уснуть?

– Почему? – он опять начинает цепляться за мои глаза своими.

– Я не умею спать, когда слишком светло!

– А где ты спишь у сирен?

– Под потолком.

– Можно спать не одной и прятаться за чьей-то спиной! – опять он за свое.

Я выдыхаю, сжимаю губы и выдавливаю из себя, со всей возможной жёсткостью:

– Послушай, Игорь! Я не знаю, к чему ты привык, но мне не нравится, что все, чтобы я не сказала, ты ассоциируешь с постелью. Я не знаю, зачем тебе сдалась! Потому что реально и ты, и я, и Олли понимаем, что я... хм... не слишком подхожу для того, чтобы защищать тебя. Ты бы не мог потрудиться и все-таки объяснить мне свою заинтересованность? – он ставит кружку на стол в то время, как я наоборот подношу свою к губам, не отрывая от него глаз.

– Ты мила! И с тобой интересно.

– Ты не знаешь меня!

– С любой из вас интересно. Потому что вы не обязаны меня слушаться, говорите, что в голову придет, огрызаетесь, делаете, что заблагорассудится. И ты не сокращаешь дистанцию, не вешаешься на шею, не пищишь от восторга. Мы с тобой могли бы... – он задумывается, – подружиться. Я не так плох, каким хочу казаться, ну, по крайней мере, так говорит Мел! И я не хочу подвергать тебя опасности, но мог бы кое-чему научить. – Я все еще впиваюсь в него глазами, прикрываясь своей кружкой! – Но это не значит, что я прекращу опошлять все, что ты будешь говорить, потому что ты – в моем вкусе. И рыжих сирен, как ты могла уже заметить, тут нет. Мы бы составили отличную пару. Ты и я. Верховный и сирена...

– Ага... верховный и сирена. А хочешь я назову тебе, как я вижу нашу пару? Это все равно, что сказать: «живой и уже наполовину мертвая!»

Он смотрит на меня, как будто до него только дошло, что я не из тех, кто строит планы на будущее.

– Я не это имел ввиду...

Я с грохотом ставлю кружку на стол и произношу:

– Мне пора! Приятного аппетита.

Глава 5

Девочки как раз двигались в зал, попутно подавляя зевки и пытаясь нащупать свое сознание после долгого сна. Я почти впечаталась в Мел, остановившись в сантиметре от ее лица, в то время как она вскрикнула и отпрыгнула на пару метров назад, вереща на меня:

– Ты с ума сошла так тормозить! Я еще не проснулась! О Господи, Сэм, какого...

– Я – страж Игоря! – ее лицо застывает с открытым ртом, и она поворачивает его почти в профиль. Виновато добавляю. – И это было экстренное торможение, извини!

Она смотрит на меня, пытаюсь понять, что я только что сказала. Слегка качает головой говоря:

– В смысле ты – страж Игоря? Это что мой странный сон? Или последний шот был лишним? Его же никто не охраняет! Он типа сильный, ловкий, смелый, и за ним не должна таскаться какая-то девчонка. Не обижайся, Сэм, но тебе от роду неделя и ты явно для этой цели самая не подходящая.

Я пожала плечами, подписываясь под каждым ее словом.

– Он пожаловался Аркадии, и она приказала...

– Вот придурок, – Мел нервно щелкает пальцами, и ее тату на секунду озаряются лазурью.

– Кто придурок? – Кейт и Дели плывут мимо нас в сторону зала.

– Игорь! Он заставил Олли сделать Сэм своим стражем?

– Свинья!

– Дели, ты делаешь определенные успехи в том, как общаться с мудаками. – Я одобрительно хлопаю ее по плечу. – Еще чуть-чуть и ты начнешь ругаться, как сапожник.

– Да пошла ты, Сэм! – отвечает мне она и тут же заливаается краской, что-то бормочет и старается выскользнуть из нашей гостиной.

У Мел отпала челюсть. Она хотела продолжить обсуждение, но у меня оставалось около двух минут для того, чтобы переодеться. Я без комментариев шмыгнула в гардеробную. Натянула свой топ, шорты и кроссовки, поверх – спортивную толстовку и вбежала в зал последней. Олли просверлила меня глазами, но ничего не сказала. Я направилась к ней!

– У тебя сегодня спарринг.

– С кем... – заныла я в ответ.

– Пожалуй, с грушей. Я не рискну подпускать тебя к кому-то более живому, чем мешок с песком.

– Очень смешно, мамочка! – язвлю в ответ. – Жалко, что с Игорем это не прокатило...

– Ты же знаешь, что можешь ему врезать при любых обстоятельствах? Никто никогда не расскажет, что его избил девочка, которая весит в полтора раза меньше, чем он сам.

– Это должно меня утешать?

Со мной равняется Мел и одобрительно кивает.

– От меня он однажды получил! Когда орал на Алису!

– Она спала у него...

– Я знаю, он написал мне смс вчера, чтобы я не волновалась! – она пожимает плечами, – я же говорю: он нормальный, просто хочет казаться хуже, чем он есть на самом деле! Так проще! Меньше требуют, больше свободы!

– Он – придурок.

– Ну, этого тоже не отнять! – Мы двигаемся в сторону угла с инвентарем.

– Если ты его всегда будешь защищать, рано или поздно станешь моей грушей.

Блондинка взвешивает все за и против и быстро тараторит:

– Извини, Сэм, время поработать над собой...

– Мел! Не смей уходить! – но она уже запрыгивала на беговую дорожку и запихивала в уши наушники, которые отходили от маленького плеера, в виде наручных часов. Я опять остаюсь ни с чем, беру бинты и подхожу к Дели. У нее такая же форма одежды, как у меня, и даже косички похожие. Еще раз отмечаю про себя, что у нее теплые зеленые глаза и вздернутый милый носик. Она всегда улыбается. Единственная по утрам. А затем она указала на снаряд.

Через полтора часа и миллион ударов, моментов ненависти к себе, окружающим и стихиям, я все-таки снесла грушу с крюка. Грохот стоял страшный! Я мягко приземлилась на ноги и обернулась, потому что в зале повисла зловещая тишина. Олли смотрела на меня, не мигая, и я не могла по-

нять, что означал ее взгляд. Из-за нее с разных сторон выглядывали Мел и Кейт. С такими же вытаращенными глазами. Я обернулась к Дели в поисках поддержки.

– Я что-то не так сделала? Я могу повесить ее на место... – Но рядом со мной тормозили уже все трое. Олли поднимала грушу силой воздуха, и устанавливала ее на место, а я беспомощно что-то лепетала про то, что я не хотела и мне очень стыдно! – Я честно...

– Сэм. Все нормально! Возьмете ее в свою четверку! Вам же как раз не хватало воздуха. Она кивнула девочкам, и я опешила. Что? Меня в четверку? Я тут всего две недели.

– Олли, что? Я не поняла. – Кейт встряхнула головой.

– Мел за старшую! Ты с ними! В случае нападения – найди любую из них. Расскажешь об этом Игорю, он не сможет требовать от тебя охраны в это время, разве что в очень крайнем случае!

– Олли, я... – она останавливается, кладет свою руку на мое плечо и слегка наклоняется вперед, чтобы поравняться со мной глазами и меня взбесило, что она опять со мной носит как с неразумным ребенком.

– Сэм, все хорошо! Лучше, чем я могла представить! У тебя сегодня есть занятия в университете?

– Нет. Курс по истории закончился...

– Тогда ты сейчас пойдешь со мной!

Мужского голоса не должно быть в нашем зале, но, о чудо, он прозвучал.

Ненавижу его! Прошло каких-то полтора часа с тех пор, как я сбежала, а он уже тут. Олли отлипает от меня и смотрит в сторону двери. Он наверняка там стоит и пялится.

– Сэм, ничего так одежда. Я могу подарить тебе любое прилагательное, которое идет в комплекте с «чертовски».

Я шиплю Олли:

– Что будет, если его найдут мертвым, как я могу замаскировать убийство, как будто это сделали темные? – Олли слегка улыбается, качает головой и двигается в его сторону. А девочки подходят ко мне, Мел мягко берет за руку и говорит вкрадчивым голосом.

– Раньше он себя так не вел! – заставляю себя обернуться и вижу, как Верховная выволакивает его из зала за шиворот и громко хлопает дверью. Я немного расслабляюсь.

– Что случилось с девочкой воздухом, которая была до меня?

– Ничего! С нами никого не было. Четвертой была Олли. – слетает с губ Кейт.

Я смотрю на этих троих и пытаюсь осознать, что я знаю о них, пока они продолжают реагировать на мою проблему. Дели словила мой взгляд и добродушно улыбнулась. Как и всегда:

– Ты действительно очень хороша. Поэтому не нужно надумывать, что ты не справишься, я же вижу, что ты именно про это и размышляешь.

Уравновешенная Дели, добрая Дели, сопереживающая

Дели. Девочка – земля с теплыми глазами цвета весеннего луга. Та, что дарит стабильность и твердую поверхность под ногами.

Я слегка улыбаюсь и выдыхаю, расслабляясь.

– Он меня напрягает своей настойчивостью.

– Ему давно никто отпора не давал, вот он с ума от радости и сходит, – безразлично комментирует Кейт.

Всегда спокойна, с длинными кудрявыми волосами, как у детской куклы. Ровно до того момента, пока ее не задевают. Из нас четверых она тут дольше всех, что-то около четырех лет, мне кажется. Они перешли с Мел с небольшим интервалом и были как две тени. Мой взгляд падает на ее ребра, которые украшают два шрама от пулевых ранений. Она их получила меньше месяца назад, поэтому они до сих пор до конца не сошли. И еще один пересекает спину. От ножа, но он на несколько недель старше, и уже на стадии, когда совсем чуть-чуть и последняя память об этой боли ее покинет. Мел говорит, что после этого она стала еще более мрачной, чем обычно! И еще более взрывной. Это было предупреждение о том, что рано или поздно на мне могут красоваться такие же. Она заметила, как я изучаю ее ребра, и склонила неодобрительно голову:

– Сэм, прекрати, я сама жду не дождусь, когда они сойдут и пытаюсь сделать вид, что это все было не со мной.

Я знаю, что в той битве погиб парень, которого он защищала. И судя по тому, что никто не хочет рассказывать по-

дробности и опускают глаза, он был особенным парнем. Мел сказала, что после этого Олли стала жестить в отношении ко всему происходящему, а Кейт до сих пор чувствует себя виноватой. У сирен были свои заморочки и внутренние терзания, регламент по окончанию которых не был утвержден.

– Мел, посмотри, может он свалил, и мы можем пойти покушать? – я в отличие от них встала на 2 часа раньше, и мой желудок пел мне песни последние 40 минут, пытаюсь выпросить хоть чего-нибудь.

– Я бы на твоём месте на это не надеялась, – но она двинулась к выходу. – Если не вернусь через 30 секунд, значит, он у нас, и бесполезно прятаться.

Я кивнула, и она скользнула за дверь!

Но ни через 30 секунд, ни через минуту, ее не было, я вздохнула, натянула толстовку и наглухо ее застегнула. Выйдя из-за двери, обнаружила его прямо перед собой, ждущего меня!

– Если это преследование, то должно караться по закону!

– Классные шорты, Сэм! – его глаза скользили по мне. Он улыбался. Ему нравилось доставлять мне некий извращенный дискомфорт.

– Чего тебе нужно?

– Ты. – Еще одна улыбка.

– Конкретизируй! – безразлично парирую я.

– Я собирался прогуляться по территории, ну а поскольку ты меня...

– Знаю, знаю... мне нужно переться с тобой! Дай мне 20 минут, чтобы сходить в душ.

– Хорошо, я подожду! Но не могла бы ты одеть платье, или хотя бы футболку с вырезом побольше...

– Оууууу... придурок! – я двигаюсь в сторону одной из ванных комнат, а он мягко следует за мной. Я резко разворачиваюсь, втыкаю свой указательный палец в его грудь. – Если ты надеялся заполучить вместо стража девчонку на побегушках, то это не так. – Он на секунду мрачнеет, черты лица становятся невеселыми, и он говорит абсолютно серьезным голосом: – Просто со мной ты будешь в безопасности... – все мои слова застывают у меня в трахее и кажется, сейчас меня начнет ими тошнить. – Сэм, – он вглядывается в мои глаза. – Давай ты поедешь со мной, и мы поговорим, хорошо?

– Без сарказма, приколов и пошлых шуточек?

– Без сарказма, неприкрытую правду, но без последнего я не обещаю, когда вижу тебя...

– Ооох, отвали а... – я скрываюсь в ванне и проверяю замок десять тысяч раз, прежде чем решаю, что он достаточно безопасный, чтобы раздеться и залезть в душ.

Я выхожу из ванной через заявленное время, волосы стянуты в конский хвост на затылке. На мне белое легкое платье и кеды. Он сидит за столом со стаканом чая со льдом... май на дворе все-таки, и резко подрывается в тот момент, когда

я подхожу к нему.

– Ты пунктуальна...

– Дисциплина – мое второе имя.

– Я предупредил Олли...

– Давай в следующий раз я сама это сделаю. Меня сильно раздражает ваше поведение. Как будто родители делят меня после развода.

– Это Олли, это нормально.

– Но раньше так не было? – мы остановились, вокруг нас сновали девчонки, и он невольно оглянулся. Достаточно, чтобы я поняла, что он не даст мне и кроху информации при свидетелях.

– Пойдем отсюда, – его рука смыкается на моем плече, чтобы потащить за собой.

Мне это жуть как не понравилось.

Не понравилось до той степени, что я уже передумала идти с ним куда-либо. Я вырвала руку и толкнула его... Так сильно, что он затормозил уже о стену в 5 метрах от меня. Все замерли, наблюдая, что же я вытворю дальше с принцем Теодора, который отлипал от стены, встряхивая золотой шелвелурой, чтобы прийти в себя от удара. Я шипела, наступая на него:

– Не надо. Так. Себя. Со мной. Ввести!

Его глаза сверкают недобрым блеском, зубы стиснуты, как и руки! Он подается вперед всем корпусом, чтобы казаться больше. Инстинктивно скручиваю узел из волос.

Мы замираем.

Вокруг нас все замирают.

Я жгу его глазами, он должен понимать, что я могу дать сдачи. Я слышу тихий рык, вижу движение, которое почти переносит его ко мне, когда рядом с ним неожиданно оказывается Кейт, одетая в обычные джинсовые шорты и белую майку. Она кладет руку ему на плечо так, что у него подкашиваются колени и тихо говорит загробным голосом:

– Игорь, действительно, не надо! – он смотрит на нее сцепив зубы, прогнувшись под рукой до уровня глаз. Серебряные радужки Кейт не мигают. Как будто она пытается ему что-то телепатически передать. А затем его взгляд скользит от ее глаз к району желудка.

Он тоже знает, что там красуется два пулевых ранения.

Сразу после этого злость уходит с его лица, он коротко кивает, и рука оставляет его плечо.

– Пошли! – бросает он мне. Я не двигаюсь, и он нехотя добавляет сквозь зубы. – По-жа-луй-ста.

– Хороший мальчик! – шипит Кейт.

И он ей подчиняется. А я подчиняюсь ему.

Мы молча идем к главному выходу из замка. Он даже не пытается заговорить. Вот и молодец! И да, я так и не поела, поэтому единственное, о чем я сейчас думала – как бы сделать так, чтобы мой желудок отлип от позвоночника.

У крыльца нас ждет машина: красный четырехместный спортивный кабриолет. Более пошлый вариант очень трудно

найти. Хуже просто некуда. Он запрыгивает на водительское сидение, открывает дверь для меня и хлопает рукой по сидению рядом с собой. Я присаживаюсь, пытаюсь натянуть платье, которое теперь, по моему мнению, слишком обнажает ноги. Он делает вид, что они ему не интересны.

– Ты умеешь водить? – говорит он, проворачивая ключ в зажигании.

– Я не знаю... в прошлой жизни, может, я и умела...

– Хватит постоянно неуверенно мямлить! Я хочу, чтобы ты точно знала!

– По-моему, ты слишком много от меня хочешь!

– Я могу выпить, и будет очень опасно садиться за руль... удобно иметь при себе трезвого водителя.

– Во-первых, я тоже могу выпить! А во-вторых, как же ты бедненький жил то все это время в одиночестве?

– Обычно я кооперировался с Алисой, у которой всегда под рукой Мел. Девчонка помешана на тачках, ради этого она готова дать обед трезвости! Ну, так умеешь или нет?

– Я сказала, что не знаю, – но посмотрев на коробку передач, в мозгу безошибочно всплыло «Механика» и движение по переключению скоростей! – Скорее да, чем нет.

– Ладно, тогда я собираюсь это выяснить сегодня! – он повернул ключ в зажигании и мотор взревел, и вот она я, вжатая в кресло от резкого старта, размышляю над тем, как не начать визжать, что он идиот. Через пару минут я привыкаю к его агрессивной манере езды и решаю, что могу гово-

ритель:

– Расскажи мне, откуда ранения у Кейт? – Он смотрел перед собой и сжал руль крепче, но так и ничего не ответил. – Я знаю, что ты в курсе, я видела, как ты скользнул к ним взглядом и все изменилось. А она была в одежде! – он ощерился:

– Догадайся!

– Еще я знаю, что они пулевые, и что, кто-то пострадал, но каким образом и почему это так угнетает ее, тебя и Олли?

– Но, например, Дели это не угнетает, так что будем считать, что никакой тенденции нет.

– Дели, в принципе ничего не может угнетать. Она будет котят топить и находить в этом положительные стороны.

– Она очень милая, когда пытается злиться.

Я нахмурилась.

– Не переводи тему! Кто еще пострадал?

Тяжелый вздох и ни следа от улыбки на лице:

– Погиб мой двоюродный брат Майк. Точка. Кейт закрепили за ним с самого начала, они провели вместе более трех лет. – Он делает паузу, – Сэм, для таких как ты – это долго...

– Да-да, я знаю, вечно молодые и бла-бла-бла. А подробнее??

– И сирена воздуха. Новая сирена воздуха, место которой ты заняла...

Я глотаю воздух, которого мне, кажется, не хватает.

– Мне сказали... они сказали, что до меня никого не было

в четверке...

– Они не успели ее подготовить, она была слишком неуправляема. Вырвалась в неподходящий момент и словила две пули. – Он на секунду бросает на меня взгляд, чтобы удостовериться, что произвел впечатление. – Поэтому Олли так носится с тобой. Она не готова снова ввязываться в это дерьмо! – Этот факт охлаждает мой пыл тридцатиградусным морозом. Никто не рассказывал мне про это. Он удрученно покачал головой и продолжал пялиться перед собой.

Его взгляд напряжен и сосредоточен, когда чеканит свои безэмоциональные слова:

– Они умерли! Конец сказке! – Мы выезжаем на открытую местность из леса, и моему взору открывается река. Широкая, с сильным течением. Он бьет по тормозам так сильно, что машину заносит в повороте, и мы останавливаемся. Он откидывается на спинку и не смотрит на меня, пока я заставляю себя отцепить пальцы от панели управления.

– Тебе наверняка уже сообщали, но не могу удержаться: ты дерьмово водишь!

– Ты знаешь, что эту реку пересечь нельзя простым способом? И мне плевать, что ты думаешь о моих навыках!

– В смысле, прыгнув? Да, мне это объяснили в первый же день! Она слишком широкая. Никто не может этого сделать. Даже мы. – Отрапортовала я скучающим голосом и закатила глаза, он опять собирается мне читать нотации.

– Темные столкнули Майка в реку, а Кейт получила две

пули в живот. Так тут заканчивается почти каждый роман.

– Роман? – я часто моргаю, пытаюсь сообразить, – То есть, Кейт и Майк...

– Не тормози, я же сказал, что она ооочень долго его охраняла... – я вопросительно вытаращила глаза. В отличие от него я не видела в этих словах ни капли намека на какую-то романтику.

– А девочка-воздух? Как ее звали?

– Лана. Как я уже говорил, ее нашли в лесу с двумя выстрелами в груди, она умерла мгновенно! – он поворачивается и по непонятной мне причине берет меня за руку, и я плююсь на его ладонь, словно она ядовита. – Они откуда-то достали оружие, и мы ничего не можем с этим поделать! Им все равно! Они просто хотят захватить территорию, подчинить себе всех, в особенности сирен. У них нет магов четверок, – он читал мне лекцию по истории, на которых я в университете почти засыпала, а сейчас и подавно, – Поэтому Олли переживает и ведет себя как наседка.

Я поднимаю глаза и сталкиваюсь с ним взглядом,

– И зачем тогда ты забрал меня у нее из-под носа?

– Потому что со мной тебе будет безопаснее.

– Чем с Верховной сиреной? Ты, наверное, шутишь?

– Верховная Сирена охраняет 8 человек и мою мать. У тебя будет личная служба безопасности.

– Я думала, я – твой страж!

– Считай, что это взаимовыгодное сотрудничество! Ты

смотришь за мной, я за тобой, и никто не пострадает!

Что-то мне подсказывало, что его план даст брешь.

– Тем более я – воздух, я мог бы тебя научить некоторым штучкам. – Я закатила глаза, и из моего горла вырывался усталый вздох, сколько можно? – Хотя час назад, когда ты впечатала меня в стену, мне показалось, что это будет лишним, – я проглотила его замечание. – Возможно, у меня даже будет небольшой синяк из-за тебя – вот здесь, – он тронул себя за ухом, – не хочешь поцеловать меня, чтобы его не было, говорят, у вас это во власти... – я жгла его глазами, в моих фантазиях он должен был уже воспламениться! Но это был Игорь, и поток его слов не имел конца и края... – У тебя милое платье. Правда, ты реально выглядишь как ребенок в нем. И...

– Почему ты не можешь быть нормальным в течение долгого времени?

– Не хочу, чтобы до меня кто-то докопался.

– Я уже заметила!

Он на секунду отворачивается и закусывает палец, чтобы чего-то еще не ляпнуть. А затем быстро выпаливает:

– Я хочу проверить, умеешь ли ты водить!

Я киваю, и мы меняемся местами. Его рука скользит по спинке сидения за мои плечи, чем заставляет чувствовать себя загнанной в ловушку.

Его ловушку.

– Ну что, помнишь что-то? – молча провела рукой по при-

борной панели и мягкой коже руля. Затем моя рука обхватила коробку передач.

– Это очень сексуально... – прохрипел он где-то сбоку. Я сделала все, чтобы не обратить на него внимание. Медленно повернула ключи в зажигании, выжала сцепление и дала по газам, машину дернуло вперед. Я выругалась шепотом и тут же переключила на вторую скорость.

– Эй, полегче, смотри перед собой, мы же не хотим впечататься в первое невинное дерево?!

Я опять переключила скорость и, быстро набирая темп, пыталась справиться с управлением. Деревья пролетали мимо меня все с большей частотой, но пока я успевала вовремя маневрировать.

– Сэм, твою мать, – он вывернул руль, чтобы мы объехали очередной ясень, схватил меня за бедро и силой заставил нажать на тормоз.

Машину качнуло вперед, и он размазал свое лицо ангела по приборной панели, злобно выкрикивая ругательства. После чего выдернул ключи из зажигания и выбросил их на заднее сидение.

Я скрестила руки на груди и нахмурилась:

– И в чем смысл подобных уроков? Я – воздух! Один щелчок пальцев, и мы вернемся на трассу смерти!

– Давай еще раз: то, что ты знаешь, как водить, я уже понял. Могла для начала просто сказать, что да, Игорь, я помню, как это делается. Более того, я думаю, что я – шикарный

водитель. А потом уже убивать мою любимую машину.

– Спасибо, что просветил. Когда захочу сделать тебе больно, я разобью именно эту. А теперь убери свою руку с моего бедра, пожалуйста. – Он посмотрел туда, где она покоилась, усмехнулся, слегка усиливая нажим на бледной коже. Я не сводила с него глаз и добавила притворно сладким голосом. – Пока я прошу. Дальше я просто вырву у тебя ее из плечевого сустава. Хочешь? – не прекращая улыбаться, он неохотно разрывает контакт своих пальцев с моей кожей.

– Не надо. Так. Делать! Захочешь покататься – только со мной вместе. Я не дам свою крошку сумасшедшей сирене, которой все нипочем.

– До этого я думала, что ты любишь только себя! А оказалось еще свою крошку! Ты дал ей имя?

– Нет, она просто – моя крошка! – он повернул ключ зажигания и кивнул, намекая на то, чтобы я осторожно ехала. – Только аккуратно! – его палец подцепил мой подбородок и заставил посмотреть на него. – Поехали домой!

– Не нужно так себя со мной вести.

– Я это делаю только потому, что осознаю, как сильно ты бесишься, маленькая сирена.

Я оглянулась, стала сдавать назад, чтобы вывернуть на дорогу, аккуратно ехала со скоростью, приближенной к 60 километрам в час. Изучая путь, чтобы в следующий раз ехать 80, а потом 100 и так далее. Мы добрались домой к обеду, он передал меня Олли и сказал, что сегодня я ему больше

не нужна!

« – Чем занимались», – спросила Мел, пока я уплетала запеченную семгу с травами и запивала все чаем со льдом!

– Он проверял мои навыки вождения и читал лекцию о том, как опасно жить!

Она уставилась на меня. Ее глаза загорелись. Я даже без рассказа Игоря давно поняла, что тачки – это ее страсть. Она знала весь автопарк Теодора, и большинство машин могла определить по звуку мотора.

– На чем катались? – очень осторожный вопрос.

– На вершине безвкусицы.

– Черт. Алая ауди R8. Я так и знала! Я люблю эту машину всем сердцем, но он почти никогда меня не пускает за руль, только если сам выпил настолько, что не готов вести. А тебе просто так досталось...

– Он готовит меня на роль трезвого водителя... мы все равно вчетвером не поместимся в ней, просто попроси Алису забрать ее для тебя.

– Думаешь все так просто? Он золотой мальчик Теодора. У него лучшие игрушки в нашей песочнице, и он не особо жаждет ими делиться с другими детьми. Просто прошу тебя быть поаккуратнее. Как бы не стать одной из них.

Глава 6

Прошло шесть недель, но нападений не было с тех пор, как я перешла границу.

О последнем мне рассказал Игорь на нашей первой прогулке. Один раз. И если бы я не была дурой и думала головой, то воспользовалась бы этим моментом и расспросила подробнее. А теперь я не знала ничего. И к тому же не представляла, с какой стороны к нему зайти. Он обносил себя высокими стенами, и иногда казалось, что я все-таки одна из его лопаток для песочницы.

С Кейт про это разговаривать было бы кощунством. Олли – тоже не вариант, если я хотела сохранить все свои кости целыми.

Игорь на все мои вопросы мрачнел и повторял, чтобы я отстала, и тоже самое делала Мел. Дели просто отнекивалась, что не знает подробностей, потому что в тот момент она была в замке, ее очередь была оставаться. И все, как один, твердили, что это не мое дело.

А это ужасно раздражало, но они привыкли так жить. Умирает один, на его место приходит другой и так по кругу, постоянно.

Вечно молодая шайка, отрицающая реальность.

Я пришла на место мертвой девочки, которую не успели подготовить. Оказалось, что она пробыла тут всего три ме-

сяца, и Игорь отказался приглядеть за ней, когда его об этом попросила Олли, из-за гордыни или вредности. Или девчонки, как наиболее правдоподобный вариант. Лично я ставлю именно на это.

Чувство вины – лучший мотиватор. Теперь Игорь и Олли были косой и камнем: Олли не хотела меня ему отдавать, Игорь же делал все, чтобы заполучить и искупить перед собой вину за смерть другого человека.

Зато закрыт гештальт по вопросу, почему по ощущениям моя жизнь напоминала детскую площадку?

С утра и после обеда я тренировалась со всеми, в промежутках меня почти каждый день, за исключением некоторых выходных, которые особенно удавались, забирал Игорь. Мы шатались по замку или сидели у него, ездили к океану или он плелся за мной на лекции в университет и разговаривали, разговаривали, разговаривали.

Постоянно.

Его будто прорвало с тех пор, как я почти разбила его машину. Как будто, если он мне не расскажет все, о чем знает, не покажет все, что умеет, меня ждет неминуемая мучительная смерть, а его разорвет от того, что это все в нем храниться.

Единственное условие – не спрашивать его о мертвой по его вене девчонке. Лучше прикинуться дурой.

Он не делал скидку на то, что он прожил тут 24 года, а я всего третий месяц. Он хотел запихнуть это все в меня в ми-

нимальные сроки и был уверен, что это возможно.

И тут случилось невозможное – я стала сдавать.

Слишком уставшая от постоянного напряжения и тренировок, я не успевала восстанавливаться и, если первые недели три это еще можно было пережить, то с каждым следующим днем вставать с кровати становилось все тяжелее. Я пропускала все больше ударов в спарринге, я перестала постоянно заниматься с грушей, пару раз засыпала просто у него за столом, и он относил меня к Верховной сирене, которую это приводило в шок.

В первый раз я проснулась от того, как Кейт с Мел корчатся от смеха, наблюдая за плящимися на меня Игорем и Олли. Лица обоих выражали полное недоумение.

Мы так не спали.

Изначально я включалась от каждого шороха, и сразу же мозг обрабатывал информацию с бешеной скоростью. Я не зевала, не тратила тридцать минут на то, чтобы подняться с постели, я просто входила в новый день с разбегу. Но не сейчас.

Когда Игорь, только вышедшей из душа после тренировки, в очередной раз вручил мне капучино с мятным сиропом и хотел объявить его план на сегодня, я не выдержала и взмолилась:

– Игорь стоп! – выставила руки вперед, спасаясь от него, в надежде, что он пощадит мой напиток. – Мне нужен тайм-аут.

Он нахмурился, не понимая, что я имею в виду. Внимательно оглядывая меня на предмет неисправности. На нем были как всегда шорты, футболка, кеды, на мне – цветастый сарафан в пол. Я предпочитала плестись переодеваться, если у него по плану тренировка, надеясь, что мой вид в нормальной одежде хоть иногда пробивается в него, и он перестанет ставить меня на путь воина. Платья становились короче, вырезы откровеннее, но бесполезно.

– В смысле... я только...

– Я больше не могу так, из пяти вечеров на этой неделе, четыре я вырубалась у тебя за столом... мне нужна передышка. Дай мне хотя бы один день... – он сжал стакан со своим кофе, который я, кстати, не опознавала. Я никогда для него не готовила и не знала, что он предпочитает, зато он прекрасно ориентировался в том, что нравилось мне.

Игорь подошел к Олли что-то коротко ей прошептал, она посмотрела на меня, потом на него, нахмурилась и стала его отчитывать. Это было ясно из того, как она тыкала своим указательным пальцем в его грудь! Это было достаточно комично, поскольку он был реально выше ее и шире раза в три. Но впервые за все время, которое я его знаю, он принимал то, что она ему говорила, молча кивал и хмурился, не перебивая. В конце она утвердительно кивнула, и он вернулся ко мне.

– Олли дала добро, мы уезжаем на весь день. Без вечерней тренировки. В ваш загородный дом. Вернемся завтра к ве-

черу. Вещи можешь с собой не брать, там есть все необходимое.

– Я не понимаю... просто попросила тебя оставить меня в покое на один день, а не...

– Мы просто сошлись на том, что да, тебе нужна передышка, и поскольку ты меня охраняешь...

– Скорее, ты таскаешься за мной хвостом.

– Ой, да ладно, тебя не пугает тот факт, что ты проведешь со мной ночь в доме, относительно далеко от цивилизации... может, я покажусь тебе привлекательнее, чем обычно?

– Ты же понимаешь, что я могу оторвать тебе руку, а затем ею же тебя забить на смерть? – но он уже смеялся надо мной.

Я почти не бесилась.

Я привыкла!

Ладно, я не привыкла и была на грани, но я научилась не показывать ему.

Это только потешило бы его самолюбие.

Несмотря на то, что большую часть времени он выдавал полезную информацию, она смешивалась с пошлыми комментариями, и это перестало меня раздражать через пару дней. Было похоже на белый шум. Он просто был такой и все, я не обязана была как-то на это реагировать. По крайней мере, он периодически заставлял меня улыбаться.

Это походило на дружбу, только очень странную извращённую дружбу. Потому что я не воспринимала всерьёз его

слова и действия, а он просто кидался из крайности поведения старшего брата в поведение потенциального бойфренда. Больше всего это не нравилось двум людям – Олли, потому что она говорила, что из-за него я должна вляпаться в неприятности по самое горло и любые доводы о том, что я не собираюсь быть с ним ближе, чем сейчас, ее не убеждали. Она только качала головой и молча уходила. И Алисе, которая раньше занимала большинство его времени и теперь была нещадно вытеснена и сдана Мел, чтобы она с ней нянчилась. Это было замкнутым кругом, потому что меленькая принцесса доводила сирену воды практически до греха. Чем больше Алиса хотела привлечь внимание Игоря, тем хуже становились ее выходки. Я все чаще обнаруживала ее у него в постели в бессознательном состоянии, а его в дурном расположении духа, потому что она опять что-то учудила, и он полночи искал ее по местным злачным местам.

Чем больше он на нее злился, тем больше проводил времени со мной, и тем больше она ненавидела меня. Порочный замкнутый круг.

– Сэм, чего застыла... пошли... – слова вырывают меня из мыслей, и я слеую за ним на автомате, тараща глаза на Мел, которая тоже ничего не понимает. Нагнала его уже почти у входа.

– Ты что реально хочешь увезти меня куда-то, и мы там будем только вдвоем?

– Да, – он открыл передо мной дверь, а я встала как вко-

панная.

– А если я не хочу?

– Мы можем начать пререкаться, но в итоге Олли тебя заставит, мы пришли к компромиссу в этом вопросе, и она мне доверяет. Там сильные защитные чары и мы будем в безопасности...

– Я бы могла и тут отдохнуть!

– Нет, не могла бы! Хватит упрямитесь, пойдем, – я сложила руки на груди и уставилась на него, говоря, что не сдвинусь с места. Он закатил глаза. – Пока Олли не передумала, иначе она запряжёт тебя тренироваться! – он подходит совсем близко, – Я обещаю вести себя хорошо! Можем поселиться даже в разных комнатах. – Мой взгляд выжигает неприличные надписи на его накаченных руках, – Прекрати, ты меня глазами убедила, и я готов пойти на то, чтобы спать на разных этажах! Как скажешь!

– Кто поведет? – я выскальзываю в открытую им перед собой дверь.

– Я!

Через полтора часа мы тормозим на берегу океана у небольшого трёхэтажного дома белого цвета с деревянной открытой верандой. Он как будто сошел с картинки, которая иллюстрирует идеальную семейную виллу. Я вижу светлые занавески, которые колышутся в каждом окошке, ловцы снов над дверью и цветы в горшках. Последнее наверняка создано

заботливыми руками Дели.

От него веет невозможным, практически удушающим уютом. Мне хочется упасть уже на его ступеньках и забыть о своей привычной жизни. Возможно, позже я решусь доползти до качелей, которые расположены на крыльце, с накиданными на них маленькими подушечками... такими милыми, что у меня почти инфаркт от увиденного.

– Не стесняйся, это все твое! – заставляю оторвать глаза от этого уютного великолепия и посмотреть на источник звука в этом идеальном месте.

Он вытаскивает из машины свою дорожную сумку, что поднимает одну мою бровь в вопросе.

– Это ваш дом, а не мой. Не думаю, что хоть одно платье подойдет мне по росту.

– Ха-ха-ха, что будем делать?

– Что хочешь, я собираюсь поплавать, а потом поспать, тебе не обязательно следовать моему плану.

– Но я же твой страж... – мой обычный сарказм.

– Расслабься, сегодня ты не мой страж, я не твой страж! Выбирай любую комнату, но, на мой взгляд, на третьем этаже лучше всего!

Он бросает сумку на веранде и шагает к океану, попутно снимая с себя футболку. Я провожаю взглядом, отлично сложенный, накаченный, я знаю, что он тренируется по расписанию сирен. Это тело ему не досталось просто так, как и мне мое. Он беззаботно идет и выбрасывает футболку где-

то на середине своего пути.

Я говорю себе «Сэм, отвернись! Хватить пялиться на идеальные дельты своего... не знаю, как его назвать, но просто хватит!». Мы проводим слишком много времени вместе. Я знаю, что у него нет татуировок и шрамов. Знаю, что он предпочитает на завтрак, но никогда для него не готовлю. Я знаю, что он единственный человек во всем мире, который спит лицом к солнцу и высыпается!

Но я не могу определиться, кто он мне.

Друг. Враг. Брат. Или кто-то, кого я предпочитаю игнорировать.

Морской бриз дотрагивается до моих плеч, поглаживая, заставляя забыть, что я тут одна, что я ничего не помню, что мне снятся незнакомые люди через ночь... во снах они обнимают меня и говорят, что любят. Но это всего лишь сны, они остаются в темноте, а когда наступает рассвет, рядом вновь никого нет.

Воздух – мой друг, он единственный всецело обо мне заботится. А не так как сирены и Игорь. В моменты, когда им нужно искупить свои грехи.

Я даю бризу обернуться вокруг своей руки, и он растекается по каждой клетке моего тела, пока брожу по дому, рассматривая его светлое величие. Кажется, в какой-то момент я даже попыталась с ним заговорить.

Игорь был прав.

Третий этаж определенная форма пентхауса.

Окна длинной в две стены, которые можно занавесить плотными хлопковыми шторами. Огромная двуспальная кровать с белым бельем. Светлые доски пола, светлая мебель. Все ослепительно белое. Странное ощущение, что-то между больницей и раем, потому что за окном потрясающий вид на океан.

Я упала на кровать и минут пять изображала снежного ангела на самых мягких в мире простынях, улыбаясь словно идиотка. Просто потому что здесь и сейчас не было разрешено дурачиться, а Игорь изображал дельфина, явно собираясь переплыть океан.

У нас была определенная степень счастья, когда впервые за долгое время никто никому ничего не был должен.

Глава 7

Просыпаюсь.

Игорь стоит надо мной без футболки, с еще мокрыми волосами, капли с которых приземляются на мою шею и, скорее всего, они меня и разбудили, а не его пальцы, застывшие где-то в районе моего плеча, так и не достигнув цели.

Думаю о том, какие красивые у него глаза, хотя сейчас они источают жесткость, противоположную беззаботности, с которой он уходил в сторону воды.

– Уже утро?

– Ничего не получится! Нам нужно уходить! – он выдавил из себя вымученную улыбку, которая должна была претендовать на саркастическую, но не случилось...

– Что не так?

– Просто мы выбрали неудачный день! Обещаю, мы исправим это в следующий раз! Пошли!

Он тащит меня за руку, и вот я только что была в горизонтальном положении в своей постели, а в следующий миг мы стоим у машины. Он проворно закидывает сумку на сидение. Проверяет какие-то клапаны и уровень чего-то там под капотом.

Он никогда не сомневался в своей машине.

– Что-то случилось?

– Достань оттуда какую-нибудь футболку, я за рулем! –

приказывает он, пиная сумку, игнорируя вопрос. – Тебе тоже не мешало бы переодеться, это – не лучший наряд для... – но он не хочет говорить, для чего. Быстро натягивает темно-зеленую футболку, которую я нашла первой в его шмотках, с надписью «Only God can judge me» и заводит авто. – Я же говорю, тебе нужно переодеться, в сумке есть кое-какая одежда.

Я все еще стою и не решаюсь шевелиться. Просто не понимаю, что происходит, а когда я чего-то не понимаю – я не хочу это делать. На это накручиваются остальные принципы сирен... о том, что никто нам не указ. В итоге я стою, как вкопанная, и двигаю лишь зрачками, ловя его движения, и то, как он сжимает челюсть от злости, роется в сумке и кидается в меня джинсами и майкой.

Четко в лицо.

Ловлю на автомате.

– Это переходит всякие границы, ты сказал, что одежда мне тут не понадобится, а сам... – он смотрит на меня стальным взглядом и отрезает голос маньяка:

– Ничего не могу поделать с тем, какой я заботливый! – стискиваю зубы и повторяю свой вопрос:

– Что происходит?

– Ничего такого, с чем я не мог бы справиться.

– Это не ответ!

– Смирись и залезай в машину, пока я тебе в этом не помог!

– Сколько можно... – я недовольно запрыгиваю в салон, не открывая двери, он должен возмутиться, что я порчу обивку его малышки, но он тяжело выдыхает и срывает машину с места. – Ты меня выволакиваешь из постели, и мы куда-то мчимся! Что за черт? – но он делает вид, что оглох, просто пялится на дорогу и шипит:

– Переодевайся! Я и глазом не моргну! Буду паинькой, просто сделай то, о чем я прошу! Там кеды, джинсы и майка! Прощу тебя! – последнее он сопровождает долгим и тяжелым взглядом, и мы вот-вот свернем с дороги, на которую он не смотрит.

– Скажи мне что происходит! – шиплю я.

Он сжимает челюсть и качает головой.

– Почему ты просто не можешь послушать меня?

– Потому что никто никогда посвящает меня в происходящее! Я что сахарная?

– Сэм... просто...

– А вдруг я могу помочь?

Он резко выпускает весь воздух из себя и выпаливает:

– Темные прорываются, – вот и оно... новость можно сравнить с огромной волной холодной воды. Я почти забыла, зачем я здесь, и почему он заставляет меня драться каждый день.

– Где? Куда? Что? – чувствую себя полной идиоткой, потому что у меня было несколько вариантов, но ни один из них не связан с тем, чтобы умереть сегодня.

– Ты задаешь ненужные вопросы! Тебя это не должно коснуться!

– Игорь! – возмущенно верещу его имя, сажусь на колени на сидение и кричу на него, что есть силы! – Что значит, не должно коснуться! Я должна там быть! Я им нужна! Я не могу остаться в стороне! Куда ты меня везешь?

– Подальше от всего, что могло бы тебе угрожать!

– Если ты меня увезешь от сирен, – при этом я застываю, потому что впервые сама назвала их так, – ты не вернешь Лану!

Он бьет по тормозам! Нас жутко заносит, и я улетаю в дверь, процарапав ногтями борозды в сиденье, пытаюсь уцепиться хоть за что-то. Поднимается огромный столп пыли и, хотя кто-то из нас на автомате разгоняет ее, я все равно начинаю кашлять. Как только машина полностью останавливается, он бросается в мою сторону. Секунда, и я уже лежу на сидение, а он навалился и рычит мне в лицо каждое слово:

– Ты понятия не имеешь о том, что будет происходить! Ты никогда с этим не сталкивалась! А я выношу для себя урок с первого раза! Переодевайся! И прекрати задавать ненужные вопросы! Просто постарайся выжить! И не оставаться вечно молодой! – он снова оказывается на месте водителя так же быстро, как перенесся ко мне. Я стискиваю зубы и молча роюсь в сумке, достаю кеды к остальным вещам, которыми он уже в меня кидался, и сбрасываю их под ноги.

Натягиваю джинсы под сарафан, шнурую кеды, развора-

чиваюсь к нему спиной и стаскиваю платье, чтобы сменить на футболку. Я жду, когда он как-то прокомментирует это, но он молчит, и когда я разворачиваюсь к нему, он все еще смотрит прямо перед собой на дорогу. Его лицо скорее смахивает на статую, чем на обычного Игоря.

Это реально пугает.

– Волосы! Собери их! – я послушно сматываю их в стандартный пучок. И думаю, что он не договаривает. Если бы нам не грозила опасность, он бы не стал требовать, чтобы я переодевалась и уж точно, чтобы забирала свои волосы. Мы подъезжаем к лесу, но не въезжаем в него, он резко выкручивает руль вправо и мы начинаем двигаться совсем в другую сторону. Сначала я не совсем понимаю, что происходит, но через несколько секунд в том месте, где мы должны были заехать в лес, появляется внедорожник.

Черный внедорожник с открытой кабиной!

Из которого торчат люди, одетые во все темное и они стреляют в воздух.

Поправочка: пока они стреляют в воздух.

Я смотрю на Игоря, который крепче впивается руль, и сильнее вдавливают педаль газа в пол.

– Они медленнее, если никто не появиться наперерез, тогда оторвемся! Звони Олли, скажи, что они нас достали, – он передает мне свой мобильный, и я лихорадочно ищу номер в телефонной книге, почти не удивляюсь когда узнаю, что она у него записана как «Мама-медведица», но уже дав-

но знаю, что фигурирую там как «Бездушное создание».

Олли берет трубку через пол гудка.

– Игорь! Вы успели свалить?

– Это Сэм!

– Значит, нет.

– Они нас нашли.

– Где вы?

– Мы едем на восток, вдоль леса, одна машина за нами, навскидку, 5—6 человек. Пока они слишком далеко.

– Нет, Сэм, нет! Вам нужно менять направление, иначе, вы будете зажаты между второй группой.

Я вижу пролет в лесу и резко выворачиваю руль у Игоря из рук, который от неожиданности дает мне это сделать, и мы ныряем вглубь леса. Как раз в нужный момент, когда наперез нам возникают два байка метрах в двухстах от нас.

– Какого черта... – но он послушно перехватывает руль, и мы углубляемся в чащу. Дороги тут нет, но пока деревья растут достаточно не плотным рядом, для того, чтобы как-то мешать нам проехать. Плюс врожденные инстинкты. Игорь – четверка, скорость его реакции превышает обычного человека в несколько десятков раз.

– Олли, мы скользнули в лес, за нами еще два байка.

– Скажи Игорю, что мы идем, но нам нужно время! Включи на мобильном маячок, чтобы мы знали, куда двигаться!

– Хорошо...

– И постарайся не влезть в неприятности, если что, дай

Игорю делать свою работу!

А вот и оно.

Весь воздух выбивается из моих легких. Неверие ранит меня больше, чем возможная пуля в лоб. Я быстро соображаю, что Олли ждет от меня слов подтверждения, поэтому отвечаю безразличным голосом:

– Обещать не могу!

– Сэм... – вопит она в трубке, но я отключаюсь, и нахожу опцию маячка, как раз в тот момент, когда первая пуля пролетает рядом и разбивает лобовое стекло.

Я застываю с открытым от удивления ртом, смотря сквозь пространство. Шестеренки в моем мозге крутятся с такой лихорадочной скоростью, что я практически не успеваю за ними. Игорь отвлекается и шипит:

– Чтобы сейчас не пролетело в твоей сумасшедшей голове – забудь!

– Олли сказала, что им нужно время, а если будет уже слишком поздно? Расстояние с мотоциклами уменьшается слишком быстро.

– Им нужно какие-то 15 минут! Сирены очень быстрые... – я чувствую, как по моей руке стекает теплая вязкая жидкость. Кровь. Пуля оцарапала мою кожу, и он замечает это. Я дотрагиваюсь до раны, пытаюсь собрать капли гранатового цвета. Смотрю на пальцы, перепачканные моей же кровью, и происходящее обретает совсем другой смысл.

– Они пристрелят нас быстрее, чем к нам доберутся сире-

ны...

Он смотрит перед собой, лавируя между деревьями, взгляд жесткий, пальцы впиваются в руль.

Он знает.

Что я права.

– Ок, – выдыхает, – бери руль и гони отсюда пулей, я их задержу!

– Ты предлагаешь, чтобы я оставила того, которого должна охранять ценою жизни...

– Ты мне ничего не должна! – в этот же момент он выпрыгивает из машины.

Воздух...

Я бью по тормозам, сосредотачиваясь на том, чтобы не разбиться, пока меня заносит, что дает ему возможность опередить все мои действия.

Он приземляется аккуратно между двумя байками, на каждом из которых сидит по парню, и сбивает их, хватая за шиворот. Оба отлетают по инерции на несколько десятков метров, один тормозит о дерево и замирает, я надеюсь, что удара достаточно для того, чтобы он не поднялся и так и есть, он даже не шевелится. Со вторым завязывается драка. Он тройка, татуировки в отличие от татуировок Игоря горят белым и видно, что он вода. А воде в лесу делать нечего. Игорь перемещается к нему и хватает за горло, поднимает над землей. Делает несколько ударов в корпус и отбрасывает в ближайшее дерево. Этого достаточно для того, чтобы он

не встал больше в следующие полчаса.

В этот момент рядом с ним пролетают несколько пуль. Он подпрыгивает, отталкивается от дерева и собирается переместиться к внедорожнику. Остался буквально еще один толчок, но первая пуля прошивает его левое плечо, вторая – икру.

Его подхватывает поток воздуха от одного из темных и обрушивает на ближайший валун. Мой мир сужается до картинки его тела, выгибающегося под неестественным углом, и я нахожу себя уже в крике, который зарождается в моем горле:

– Нет!

Он отлетает на землю и не шевелится. Пока на меня им наплевать, он – жертва, которая уже к тому же практически обезврежена.

Страх и паника.

Страх и паника поднимаются по моему позвоночнику к макушке и заполняют каждую клетку моего тела. Чувствую, как иголки впиваются в мой желудок и легкие, просачиваются в кровь, разносятся по каждой клетке тела, наполняя инстинктом.

Темные спешиваются в тридцати метрах от него, их всего шестеро. Парни, которым слегка за двадцать. Трое из них двойки воды и еще трое – тройки чего-то там еще. Их татуировки горят голубым светом.

Игорь поднимается на четвереньки и трясет головой.

Из ран пульсацией вытекает кровь, но не такими страшными объёмами, как это было бы, если бы они задели артерию.

Они не знают, но я проштудировала все учебники по первой медицинской помощи, к которым получила доступ, главная цель была не помогать, а правильно оценивать состояния раненного противника или в том случае – друга. Я не особо горжусь тем, что смогла решить, какой у него статус, только когда нам грозит опасность.

Еще один выстрел в то же плечо, я должна была хотя бы вскрикнуть, когда Игорь заваливается на спину, но просто мое сердце пропустило еще один удар.

Злость захватила меня быстрее, чем я могла строить причинно-следственные связи.

Я отталкиваюсь от кожаного сидения мустанга и приземляюсь между ними. Медленно поднимаюсь на ноги. Господи, мне бы еще хотя бы 10 сантиметров роста, чтобы выглядеть на каплю более внушительной.

– Оу, это что-то новенькое, точнее новенькая.

Они разглядывают меня с интересом. Я разглядываю их как добычу. Вздергиваю подбородок и вкладываю в свой взгляд максимум холодной ненависти. Они все равно меня недооценивают. Точно так же, как это делали Игорь и Олли.

– Ты согласился на стража и взял свежак? Милое личико, жаль, что придется его испортить.

Все мерзко засмеялись, чем исключили в моей голове свет.

И я впервые ступила во тьму за ними.

Перемещаюсь к нему вплотную и отталкиваю волной воздуха. Выпускаю ее слишком близко от тела, и его не просто отталкивает, будем считать, что на его грудную клетку приземляется бетонная глыба.

Остальные пятеро приходят в движение. Один пытается схватить меня за руку, я его опережаю, заламываю за спину и вырываю из сустава. Он орет жутким гортанным криком. Я могу только догадываться, насколько больно ему сделала только что. Следующий хочет сбить меня с ног с помощью толчков земли, но я просто подпрыгиваю, перелетаю к нему. Он оказывается на лопатках, два удара в его челюсть, и разбиваю свои костяшки, оставляя следы крови на его щеках. Это больнее, чем драться с грушей! Он теряет сознание после еще двух, и в этот момент, чьи-то руки хватают меня за плечи и стаскивают с него. Я вырываюсь, пытаюсь найти опору и после нескольких секунд барахтанья по земле наконец-то ее обнаруживаю. Нога упирается в корень, дает возможность собраться и перебросить придурка, который меня тащит через себя. В момент, когда он летит, я перемещаюсь, кладу свою руку ему на грудь и добавляю инерции в его движение, он ударяется о землю с такой силой, что из его носа начинает течь кровь, но мне некогда думать, о том, что кажется, переборщила с силой. Еще двое. Один из них выкидывает в меня одну за другой волны огня, но я гашу каждую из них, продолжая двигаться к нему, пока он не упирается

в дерево спиной. Я подхожу к нему вплотную и хищно скалюсь:

– Свежак, говорите? – на что он начинает истошно орать.

– Прикончи ее Нил! Эта тварь сейчас меня убьет. – Я оборачиваюсь и вижу как тот, кого зовут Нил, наставляет на меня пистолет. А дальше все происходит слишком быстро даже для меня, потому что я перестаю отдавать отчет в своих действиях. Одна мысль: я не стану вечно молодой!

Сначала я чувствую, как мои волосы распадаются из пучка мягкими волнами на плечи. Темный стреляет в тот момент, когда я оказываюсь рядом с ним, пуля попадает в парня, которого я прижала к дереву. Мгновенно на его груди распознается красное пятно, он сползает по стволу и падает лицом на землю. По спине пробегает мерзкий холодок страха, на его месте должна была быть я. Ужас, умноженный на злость. Я ломаю руку, которая держит пистолет в локте в ту же секунду. Парень орет, как сумасшедший, его крик будет снится мне ночами, но я обдумываю это позже. Вижу, что Игорь больше не пытается встать, и мечтаю, чтобы он просто потерял сознание и не видел всех тех вещей, которые творю.

– Ты – мерзкая дрянь! – голос того-кого-зовут-Нил возвращает мои мысли к нему, но я пропускаю мимо ушей, я тащу его за шиворот к его уже или почти мертвому товарищу! Я хочу, чтобы он увидел, что наделал.

Что я наделала.

Он продолжает осыпать меня проклятиями, я впиваюсь

в его горло, поднимаю над землей и бью головой о дерево, потом еще раз и еще. Я так зла на себя, на Игоря, на них, что не могу остановиться, после нескольких ударов его речь затихает. Я смотрю в его закрытые глаза и до меня доходит. Вероятность того, что я проломила ему череп или сломала позвоночник, слишком велика.

Кто-то взводит курок возле моего затылка. Звук щелчка в пустом лесу заставляет меня замереть. Еще одна волна адреналина простреливает мое тело. Она такая неожиданная, что я дергаюсь и разжимаю пальцы. Тело мальчишки падает на землю рядом со мной, а я все еще разглядываю его. Как причудливый предмет, не понимая, для чего он придуман.

– Хорошая, маленькая сирена. – Бархатный голос обволакивает тишину.

Я облизываю губы, впиваюсь в нижнюю зубами, просто чтобы не терять контакт с реальностью. Медленно поднимаю руки у головы, показывая, что я безоружна. Как будто это может меня спасти, от ощущения дула в волосах:

– Черт! – ругаюсь вслух шепотом.

Он медленно начинает по-звериному меня обходить и зависает сбоку. Теперь холодный металл касается моего виска, и я пытаюсь не забывать дышать, но разворачиваю лицо к нему, упираясь в дуло лбом.

Ярко-изумрудные глаза. Я ниже мальчишки, и наверно меньше почти в два раза.

Ему где-то между двадцатую и двадцатую пятью, и я сама

внутренне себе улыбаюсь, сколько в нас схожести.

Сглатываю, в попытке освежить пересохшее горло и жду, что он выстрелит.

Жду своего последнего вдоха.

Хорошо, что Игорь без сознания, я не хочу, чтобы он видел, как это произойдет. Это раздробит остатки его сердца в пыль.

Но парень не стреляет. Он просто пристально разглядывает меня.

Я снова отворачиваюсь в профиль от него. Вдыхаю глубоко, пытаюсь не дать слезе скатиться по моей щеке. Адреналин вымывается из моей крови, и я не хочу ничего, кроме как упасть прямо к его ногам, свернуться калачиком и уснуть.

– Если ты собираешься терять сознание, то делать это рядом с парнем – плохая идея! Особенно, если этот парень темный.

Он делает еще шаг и оказывается напротив меня. Его губы застывают в полуулыбке ребенка, который нашел подарок под новогодней елкой, а глаза бегают, изучая мое лицо.

Я чувствую, как он дышит. Как его дыхание щекочет ветер, и тот рассказывает мне об этом.

А мне... я должна его ненавидеть с первого взгляда... но почему-то мои мысли вертятся только вокруг того, чтобы он меня не прикончил прямо сейчас.

Опускаю глаза и шепчу. Одними губами:

– Я не хотела, чтобы все так получилось!

Он задерживает дыхание, а я не понимаю, почему это сказала. Затем вновь возвращаю взгляд к его глазам:

– Давай, стреляй! Убей сирену – спаси сотню темных! – вижу легкое движение его гортани от моих слов.

– Ты новенькая?!

– А что, у тебя предпочтение для убийств по старшинству?

– Нет, просто ты слишком близко к сердцу принимаешь то, что происходит. – Я молчу, и он продолжает. – То есть слухи все-таки правдивы и сахарный блондин на самом деле взял себе девчонку в охрану. – Я все еще не произношу и звука. – Почему ты?

Я честно не собиралась ему отвечать, но легкое движение дула у моего лба нежно мотивирует мой инстинкт самосохранения.

– Я не знаю! – огрызаюсь в ответ.

– Хм... – он поджимает губы, и я пытаюсь не думать о том, какой он красивый. Черные волосы, слегка длинноваты и зачесаны назад, открывая большие зеленые глаза с густыми темными ресницами. У него достаточно массивный нос и пухлые губы. Трехдневная щетина покрывает идеальные мужественные скулы. На нем черная футболка и свободные, низко сидящие на бедрах джинсы, и я нахожусь достаточно близко, так что даже не пытаюсь игнорировать наличие кубиков пресса под его одеждой. Когда он улыбается, слегка

видно, что его клыки выделяются на общем фоне идеально-го ряда зубов.

Он хищник. Как и я. Только у него в руках отличное средство от сирен. А мои руки все еще подняты на уровень глаз.

– Ты пялишься на меня! Но можешь продолжать, потому что мне это нравится.

– Я не пялюсь!

– Именно пялишься!

– Ты приставил пистолет к моему лбу, я просто пытаюсь...

– Не упасть в обморок к ногам темного?

Я закатываю глаза и делаю глубокий вдох.

– И это в том числе.

Опять полуулыбка. Он будто пытается меня приободрить. Сказать, что он меня грохнет, и это не будет так страшно.

Звук приближающегося мотоцикла разорвал тишину.

Сирены. Из моего горла вырывается вдох облегчения. Мальчишка ведет головой, не спуская с меня глаз, оценивая, как далеко они:

– Ты думаешь, они спасут тебя? Пуля летит быстро и...

– Они спасут его. – Тыкаю пальцем в валяющегося на траве Игоря. – У меня все хорошо с логикой. Так что давай уж перейдем к части, где ты размазываешь мои мозги по земле. Не люблю, когда люди играют с едой!

Теперь он уже открыто улыбается.

– Ты не еда. Но довольно забавная зверушка.

Он кидает короткий взгляд на Игоря, который шевелится,

вновь приходя в себя, и возвращается глазами ко мне.

– Я надеюсь, блондин понимает, как ему с тобой повезло. Потому что, если я узнаю, что нет, – его бровь вопросительно ползет вверх. – Я найду способ сделать так, чтобы он осознал это. А теперь я надеюсь, ты не против, если я вас покину, маленькая сирена? Твои подружки не обрадуются, если обнаружат мой пистолет рядом с твоей хорошенькой головушкой!

Он быстро убирает ствол, идет к одному из байков, поднимает его и собирается стартовать. Я настолько не понимаю, что происходит, что не только не мешаю ему свалить, но и пишу от удивления:

– Ты что ненормальный?

– А ты до чертиков мила, когда теряешь контроль над ситуацией! – хватаю воздух ртом. – И ты мне должна!

Я не успеваю ничего ответить, потому что его мотоцикл срывается в сторону, откуда мы прибыли.

В том направлении, где сквозь деревья идет целая толпа темных.

Под толпой я понимаю человек 30. Точнее 30 отлично подготовленных накаченных парней, которые сфокусировали взгляд на мне и ухмыляются своей легкой добычей. Им нужна сирена, и я вся их.

Мои ноги сами начинают пятиться, но я не рискую поворачиваться спиной. В голове прошу неведомую силу, чтобы это все было сном. Начиная с того, как я избила мальчишек

и заканчивая этим, когда у меня практически нет шансов и...

Мимо меня прямо вперед проходит Кейт. Она с легкостью оглядывается и подмигивает мне с нахальной улыбкой, которая обычно сообщает окружающим о том, что она что-то задумала. Но не останавливается и все так же уверенно шагает в сторону приближавшейся толпы.

Затем Сантос и Мира... Лиз... Мел хлопает меня по плечу и шепчет одними губами «Все хорошо!» – именно в утвердительно форме. Она точно знает, что все не просто нехорошо, все достаточно хреново, чтобы я продолжала пятиться назад.

– Сэм! – я все еще слежу за блондинистой головой подружки и не собираюсь отрываться. Кто-то дергает меня за плечо и снова произносит мое имя. – Сэм! Сэм!

Сэм, Сэм, Сэм... я знаю, как меня зовут. Я только что грохнула... этот кто-то дергает меня так сильно, заставляя развернуться к себе.

Глаза цвета пасмурного неба застывают на уровне с моими, и твердый голос Олли произносит:

– Сэм, все хорошо. Ты в безопасности, с Игорем тоже все в порядке.

Игорь.

Теперь звук его имени раздается в моей голове эхом. Будто бы там и мозгов-то нет. Только его имя.

Отвернувшись от Олли, я уставилась в сторону, где Дели

быстро бинтует плечо. Он сидит на капоте мустанга, не спуская с меня глаз. Голова опущена низко, и он смотрит исподлобья. Я думаю, что он меня ненавидит, потому что я послушалась его воплей. Он так серьезен и жесток, что я боюсь двигаться под его взглядом.

Я просто никогда не видела, чтобы он так на кого-то смотрел. Тем более на меня. Обычно его взгляд только насмехался.

Я автоматически сглатываю, чтобы побороть оцепенения, накатывающее на меня волнами.

– Игорь, увези ее отсюда, сейчас же! – он кивает и, поблагодарив Дели, отталкивается от машины, направляясь к нам.

– Но, Олли, я... – я хотела что-то пробормотать.

– Забери ее, я сказала! – она рывкает, и он тут же тормозит рядом со мной, кладет руку на мое плечо.

– Сэм, пойдем! – его голос вкрадчив, добр и ложится на мое разбушевавшееся воображение бальзамом, но я не двигаюсь, потому что он звучит где-то далеко и не со мной! Я закрываю рот рукой, и меня трясёт от ощущения отвращения к самой себе. Он, прихрамывая, делает еще шаг ко мне. – Сэм, пойдем! Нам некогда, шевели ногами.

В привычной для себя манере хватает меня за плечо и тащит к машине.

Но я вырываюсь и иду в сторону темных. Как я могу сейчас уйти, как я могу их бросить с ними? С этими монстрами, которые только что назвали меня свежаком.

– Кирк! Мне нужна помощь.

Я слышу слова, но не воспринимаю их значение.

Я все еще иду за сиренами. Глубоко вдыхаю и выдыхаю.

Пока мои внутренности скручивает в узел настолько, что меня сейчас вырвет.

Меня дергает за руку Олли и помещает четко в мужские объятия, которые смыкаются кольцом вокруг моего тела. Я кричу и требую, чтобы меня отпустили. Я брыкаюсь ногами и извиваюсь у него в руках, пока он оттаскивает меня все дальше от линии, где сейчас начнется драка. Я верещу о том, чтобы Олли дала мне быть с ними, что я хочу убить всех этих тварей. О том, что так не честно. Что они должны дать мне закончить это дело и...

Про себя говорю «за то, что они сделали из меня такую же».

Пока я предаюсь жалости к себе, Кирк методично оттаскивает меня в сторону, чтобы запихнуть на сидение авто, придавливая своим весом.

Я слегка не согласна с его поведением. Поэтому он получает два удара коленями в голень, воет, но не двигается с места.

– Будь добр, помоги мне! Она сирена – я нет. Я не смогу ее так долго удерживать!

Игорь, кладет свою здоровую руку мне на плечо, придавливая еще больше к сидению.

– Отпустите меня, придурки, я вас нахрен... – продолжаю

свой монолог красочной отборной бранью, от которой у них должны сгореть уши.

– Сэм, послушай меня!

– Да пошел ты!

Я вижу, как Игорь стискивает зубы и рычит сквозь них

Кирку:

– Пристегивай ее ремнями!

Я слышу со стороны, как кто-то смеется жестким картинным смехом, таким, от которого волосы на затылке встают дыбом. Только спустя какое-то время до меня доходит, что, кажется, я схожу с ума.

– Я думаю, что ремнями не удержать.

– Пристегивай! – командует он. – Они с титановой нитью.

Игорь пыхтит, прикладывая все усилия, чтобы я не сдвинулась с места и не навалила им обоим. Он надавливает на мое плечо локтем, в то время как Кирк буквально садится на меня и пытается справиться с замысловатой конструкцией ремней.

Я таращу на него глаза и замираю, пока жесткие пальцы заканчивают мое обездвиживание.

Ремни проходят через плечи и убегают в сидение, плюс еще два поперек моего живота и по верх груди. Я пытаюсь пошевелиться, но все безрезультатно. Кирк виновато мямлит:

– Сэм, прости! Я не хотел, но...

Я меряю мальчика-землю взглядом полным презрения:

– Просто помни, что вечно на привязи он меня держать

не сможет! Рано или поздно я доберусь до тебя!!!

Кирк нервничает и трет нос. Его милость в этот момент запредельно зашкаливает. Не произнося больше ни слова, он молча плетется в сторону темных.

Игорь не отводит от меня все того же взгляда. То есть я права, он реально меня ненавидит! Он хочет, чтобы я страдала дальше, чтобы я не могла сбежать... чтобы...

– Я переделал ремни, предполагая, что когда-нибудь тебя придется увозить откуда-то силой. Ты слегка... бываешь того... когда кому-то угрожает опасность.

Что? Он сделал это для того, чтобы... я хватаю воздух как рыба. Как будто мне его не хватает. Как будто легкие отказались работать. Как будто...

– Ненавижу тебя! – выплевываю два слова ему в лицо, быстрее, чем успеваю осознать, что они возникли в голове. – Ты нашел себе игрушку... ты... ты... Олли была права! Все были правы, я просто еще одна игрушка!

Чувствую горячую дорожку, которую прокладывает слеза по моей щеке, и отворачиваюсь в профиль.

Каким бы отвратительным не было его поведение – я ему доверяла и думала, что он верил в меня.

Он не верил. Он просто воспитал себе зверушку. Очень правильное слово, выбранное темным.

Он замирает буквально на секунду. Хочет что-то сказать. Но слова недостаточно жгут язык, и он глотает их, молча заводя машину.

Он гонит на полную. Я молчу.

Всю дорогу.

Я смотрю в сторону от него, давая ветру развивать мои разбушевавшиеся волосы. Впечатление, что раньше я была заполнена, а теперь пуста, перенасыщена чужой болью. Если мое существование сводится к тому, чтобы только нести разрушение – мне не стоит продолжать это!

Даже когда он тормозит у входа в замок, я все еще смотрю в сторону. Я не хочу больше его видеть! Никогда! Я сделаю все, чтобы он никогда не касался меня. Я не собираюсь его охранять. Я разорву этот контракт, чего бы мне этого не стоило.

– Сэм, посмотри на меня!

Я не реагирую, поэтому его цепкие пальцы поворачивают мое лицо за подбородок к себе.

Он успокоился пока мы ехали. Вернулся властный взгляд и сила, которую он несет как щит перед собой. В последнее время в моем присутствии этого было меньше, но сегодня внесло свои коррективы. Он мягко произносит:

– Я отстегну ремни, а ты постарайся не свернуть мне шею. ОК? – он смотрит за мою спину, и я догадываюсь, что там уже толпа народу. – Мы же не хотим, чтобы ты покалечила принца Теодора на глазах у его народа?

Пальцы коснулись моей щеки вытирая слезу.

На секунду я вижу, как он поджимает губы. От злости. Но очень быстро вновь берет себя в руки и продолжает шеп-

тать мне:

– Все хорошо, ты в безопасности! Уже все хорошо... не бойся!

– Мне не страшно!

– Что?

Его рука скользнула к ремням, раскрывая карабины. Но глаза остаются со мной.

– Вы все думаете, что мне страшно, но это не так. Я никого не боюсь!

Потому что единственный монстр – это я.

Он снова вытирает слезы уже другой скулы. Прикосновение его пальцев очень нежны, и я не понимаю, почему.

– Я знаю! Я видел! И если честно... я бы все отдал, чтобы не видеть этого больше никогда!

Я дышу, а он вытирает мои слезы. Потом выходит и распахивает пассажирскую дверь передо мной.

– Будь хорошей девочкой и сделай вид, что я тебе не ненавистен. Пока мы не окажемся одни, по крайней мере...

Я ничего не отвечаю, но даю тащить себя за плечо, рассеянно бегая взглядом по окружающим.

Аркадия стоит на крыльце вместе со всеми, явно нервничает, еще бы, только что она чуть не лишилась своего наследника, не думаю, что мысль о том, чтобы оставить королевство на свою младшую дочь как-то тешила ее. Она, к слову, торчит чуть поодаль, бледная как смерть. Облегчение прокатывается по ее лицу, когда мы оказываемся наравне. Арка-

дия щелкает пальцами, и к Игорю бросаются медики, но он отмахивается.

– Дай им посмотреть твои раны!

– Все нормально! Пули прошли навывлет, меня уже перевязали. – Я знаю, что он врет! Никто не успел заняться его ногой. – С Сэм тоже все в порядке, не считая задетого плеча и общего шокового состояния. – Губы Аркадии складываются в нить. Я не входила в план ее беспокойства. – Мама, зачем ты устроила это представление? Отпусти людей спасать кого-то, кто действительно в этом нуждается.

Как по команде у лестницы тормозит мотоцикл, на котором сидит Кирк с окровавленной Кейт, вцепившейся в его корпус. Он соскакивает с мотоцикла и перехватывает ее на руки, вбегая по ступеням. Его движение такие точные, будто до этого он делал это тысячу раз.

Мои руки непроизвольно взлетают ко рту, чтобы подавить вопли.

Игорь утаскивает меня с удвоенной силой, а вдогонку орет его мать:

– Ты защищал эту девчонку, а не она тебя! Я так и знала, что это ничем хорошим не закончится.

Мы уже прошли мимо, оставив ее позади, когда он резко оборачивается и оставляет наконец мое плечо, давая несколько секунд передышки, приближается вплотную к матери и шепчет.

– Я тебе напомню, но ты сама дала добро на это и, практи-

чески, заставила Олли согласиться со мной. Если бы не она, меня бы сейчас с тобой не было! Оказывается, мне действительно нужен был страж! До этого момента я не соображал, как сильно необходимо, чтобы кто-то стоял за моей спиной. – Мне либо кажется, либо в этом скользит двусмысленность. Он мастер находить фразы-перевертыши, от которых у меня кровь в жилах стынет. Она молча изучает его, затем переводит глаза на меня, и клянусь, она ненавидит факт моего существование так сильно, как это вообще возможно. Он проследил за ее взглядом и прошипел напоследок:

– Не смей ее даже пальцем тронуть! Или думать об этом! Или даже попытаться подумать об этом! Ты меня поняла, мама? – после чего он оказывается рядом со мной и опять его пальцы, вокруг моего плеча, и я пытаюсь успеть за ним и понять, что только что произошло.

Он вталкивает меня в свою комнату и наконец отпускает мою руку. Сам наливает себе воды и осушает стакан залпом, пока я топчусь на месте и не могу понять, что мне теперь делать. Чувствую себя брошенным родителями ребенком... что фактически является правдой.

Я вспоминаю лицо парня, в которого попадает пуля и это захватывает меня. Мелкая дрожь пробегает по каждой клетке тела. Чувствую, что еще чуть-чуть и истерика не заставит себя ждать. Он останавливается рядом и тихо говорит:

– Девочки не вернуться до утра, так что переночуешь тут! – Я собираюсь разразиться ядом, о том, что он меня до-

стал, и что даже этот момент он хочет использовать на благо своего самолюбия. Но он вручает мне в руку свой мобильный, на экране которого красуется смс от Олли, которая просит, чтобы он не оставлял меня одну.

– Я в порядке! Мне не нужна нянька!

– Душ там, – он игнорирует мои слова. – Тут есть одежда для Алисы, тебе должно что-то подойти! – он еще раз оглядывает меня и скорбно произносит. – Постарайся себя не утопить. Это будет невосполнимая потеря для...

– Теодора!?! – язвлю я.

– Меня.

Его взгляд весит целую тонну, и он ждет.

Ждет.

Я должна огрызнуться. Послать его. В конце концов я могла попытаться сломать его точеную скулу своим идеальным правым хуком. Он сам мне его ставил. Он знал, что я должна идеально приложить руку... но я поворачиваюсь на пятках и скрываюсь за дверью ванны, запираюсь изнутри и прислоняюсь спиной к ней, медленно скатываюсь на пол и перехожу на четвереньки. Подползаю к огромной ванне, открываю воду, только после этого чувствую, как на моих глазах наконец-то появляются слезы. Скручиваюсь в клубок на белом кафеле и позволяю купаться в жалости к себе.

Я, скорее всего, убила этих людей. Я не задумывалась над тем, зачем я это делаю. Просто либо они убили бы нас, либо я их. И все. Никаких сомнений, страданий или чего-то

подобного. Они угрожали ему, я выполнила то, что должна и ничего большего. Веселые тренировки, желание быть лучше и сильнее, только для того, чтобы завершить чью-то жизнь. Я не такая! Я не была такой! Никогда! Я прокручиваю это в голове снова и снова, пока не теряю контакт с реальностью.

«Невосполнимая потеря для меня».

Опять этот эффект, когда слова, словно перекаати-поле, гуляют в голове, отталкиваются от стенок черепа и никуда не хотят исчезать. Это все не логично. Я его игрушка... он бы даже не заметил, если бы я пропала. Он просто хочет контролировать меня и все.

«Почему ты?». Вопрос темного всплыл словно мираж. Я же действительно не понимала, почему.

Скрутившись в клубок еще плотнее, позволяя кафелю охлаждать свою разгоряченную кожу. Мне нравилось это ощущение, оно давала опору... что вроде я еще жива. Вроде тут в этом мире и даже что-то чувствую.

Я не знаю сколько прошло, когда Игорь аккуратно стучит в дверь, но я не отвечаю, и он начинает говорить голосом маньяка убийцы:

– Сэм, я надеюсь, ты уже хотя бы в ванну залезла, потому что я знаю, что ты там себя жалеешь. Выходи, и мы поговорим. Если что – я за дверью, жду еще 15 минут, а потом просто выбью ее. И мне все равно, будешь ли ты там раздетой или нет! Даже не так – если ты будешь раздетой, я буду

не расстроен!

Я подползаю к двери и говорю в щель:

– Двадцать!

– Что двадцать?

– Мне нужно двадцать минут!

Пауза... я почти вижу в ней, как он торжествующе ухмыляется.

– Ок, но не больше! Я буду ждать и если хотя бы на секунду, я...

– Поняла! – рычу я, распускаю волосы, выбрасываю перепачканную в крови одежду в мусорную корзину и не смотрю на себя в зеркало, которое висит над раковиной. Я залезаю в ванну, полную воды, погружаюсь с головой и лежу так долго, как это дают мне делать мои легкие. После чего быстро отмываю от себя кровь и грязь, вода становится коричневой и мне противно от самой себя вновь. Где моя кровь, а где еще чья-то – непонятно.

Я вытираюсь насухо и роюсь в небольшом шкафу.

Нахожу новый комплект белья и более-менее приличное платье из светлого кружева с алым тоненьким поясом.

Смотрю на себя в зеркало. Но ничего не изменилось, я точно такая же, как и была сегодня с утра, несмотря на то, что за 12 часов успела кого-то убить. Оставляю волосы естественными и мокрыми и выхожу. Он стоит у зеркала без футболки и разглядывает свою рану со спины. Резко поворачивается на звук хлопающей двери и долго изучает каждый сан-

тиметр моего тела.

Чтобы не пялиться на его пресс, я смотрю в окно.

– Ну, ты жива, это хорошо. – Он выдыхает с явным облегчением. – Кирк звонил! Кейт уже пришла в себя! С ней будет все в порядке. Но ты не в себе, поэтому я к ней тебя не поведу. Есть будешь?

– Нет, спасибо, я не хочу.

– Спасибо? – он замирает и посмеивается. – Кто ты и что сделала с Сэм? – перемещается в зону кухни, берет две тарелки чего-то и оказывается рядом со мной. Это блинчики с какой-то начинкой. – Ты так долго там была, что я неожиданно открыл в себе талант повара. Угощайся.

– Я действительно не хочу. – Прохожу по его бесконечной комнате и ставлю тарелку на стол, после чего возвращаюсь к нему.

– Почему они вернуться только с утра?

– Им нужно очистить территорию, оттеснить их... но не переживай, все хорошо, их целью были мы с тобой!

– Как ты узнал?

– Олли позвонила, сказала, что они захватили одного и сумели продержаться в сознании до того, как он раскрыл план. Они смогли посадить жучок на мое авто. Его сейчас уже перебирают. Сами мы бы его не нашли. Не было времени придумывать, как спрятаться. Нам нужно было убираться. – Он запускает руки в свои волосы и не смотрит на меня.

– То есть они знали о том, что темные нападут еще до того,

как мы уехали. И она дала добро на это только из-за того, чтобы я не путалась под ногами?

– Сэм, послушай ты очень бледная, не хочешь есть, тогда можешь прилечь, поспать... я бы тоже с тобой поспал...

– Боже, Игорь, ты...

Я рычу, пытаюсь выдрать пару клоков волос от злости, и перевожу свой взгляд на его огромную кровать, с зеленым хлопковым бельем. Он сжимает губы в странной гримасе и поднимает руки перед собой, как бы сдаваясь.

– Я клянусь, что не трону тебя! Ты тут в безопасности.

Я медленно бреду к кровати, разглядывая комнату на предмет того, чем могу запустить в него, не убив, но изрядно покалечив.

– Я везде в безопасности. – Я чувствую, как вопрос застывает у него на губах, и он следует за мной. Как же меня раздражает эта дурацкая манера ходить по пятам как тень.

– Что ты имеешь ввиду? – я в последнюю секунду меняю свое решение и иду к огромному окну.

Раньше я не замечала, что на среднем из них есть широкий подоконник. Я залезаю на него и упираюсь носом в стекло вместе с руками, оставляя на нем небольшой островок дыханием.

Прохладное окно давало мне связь, как и кафель в ванной. Иначе я решу, что события последних часов – мои галлюцинации.

– Ты знаешь, что я без колебаний уколошила двоих, и если

каким-то образом они это и переживут, то либо останутся калеками, либо...

– Сэм, послушай, – он прислоняется своим виском суть подальше от меня. – Они бы попытались нас прикончить. Ты спасла нас! От тебя пуля прошла в сантиметре. Ты могла быть мертвой, если в этот момент машину, например, подбросило. Тебе не стоит их жалеть.

«Ты могла быть мертвой» – звучит у меня в голове раз триста.

– И я действительно признаю, что мне необходим страж. Если бы я был один – они, скорее всего, получили бы свое.

– Но ты-то их не убил! Ты просто вырубил обоих. Они очнутся и смогут жить дальше!

– Ну, в этом я бы не был столь безоговорочно уверен. Это может не так страшно выглядеть, но иметь ужасающие последствия. – На секунду его рот дергается в хищной гримасе. – Ты просто привыкнешь. Плохие парни пытаются надрать тебе зад, и ты их уничтожаешь. Все! – делаю вид, что не слышу его и продолжаю рисовать невидимые загогулины на стекле. – Если бы они попали мне не в плечо, а в грудь, и я бы умер на месте, что тогда? – он знал, что я отвечу еще до того, как стал даже подумывать о том, чтобы задать этот вопрос.

Делаю глубокий вдох и поднимаю глаза на него:

– Я бы застрелила всех до одного!

Его голубые глаза на фоне заката кажутся очень теплыми,

как вода океана, в котором я даже не успела искупаться. Может, я могу искупаться в нем?

– Вот именно, благодаря тебе я еще жив! И это сумасшедшее чувство. Потому что я никогда не был столь близок к концу!

Я больше не смотрю на него, я просто вижу, что он дышит, до сих пор его грудь подымается, он живой. Я выполнила свои обязанности перед ним, и дала стать чудовищем ради этого себе.

Сажусь в угол подоконника, упираясь в стену спиной. Он садится напротив, как мое отражение. В течение нескольких минут мы пялимся друг на друга, и лишь один Бог знает, что твориться в его голове.

– Титановые нити? Ты серьезно? А если бы я до этого не дралась, не тратила энергию. Ты представляешь, как я могла навредить Кирку?

– Ты бы не навредила!

– А если...

– Ты. Бы. Не. Навредила!

Он отворачивается в окно. Я прижимаю колени к груди. Так и сидим, наблюдая как солнце садиться за лес. Оно должно утонуть в этой чертовой реке.

Он разрушает тишину, когда оно уже почти скрылось и комната погружается во мрак:

– Ты знаешь, что означает твое имя?

Я уставилась на него непонимающими глазами. А он все

еще смотрел в окно.

– Прости, что?

– Значение твоего имени... тебе оно известно? – Он говорил тихо-тихо, как будто если нас кто-то услышит – нам конец.

– Я не понимаю, о чем ты и нет, я не знаю, что значит мое имя. Я вообще не уверена, что кто-то задумывался, что оно должно что-то значить, нарекая им меня. И главное – нет доказательств, что оно реально мое.

– Это женская вариация имени Самуил.

– И?

– Оно означает «Слово Божье».

Я просто хлопаю глазами и не нахожу ничего умнее чем выпалить:

– А сейчас ты жаждешь рассказать мне о своем имени. Валяй! – он переводит взгляд на меня. – Что означает твое?

В сумерках его глаза бликуют странными оттенками, от лазурного до темно-фиолетового, и он прожигает во мне...

– «Тот, кто охраняет слово Божье»

На секунду мы замираем, пока я перевариваю его слова, и он снова произносит:

– Какая ирония! Не правда ли?

Я смотрю на него, и сжимаю губы. Хочу что-то еще сказать... Но в итоге просто спрашиваю:

– Зачем ты мне все это сказал?

– Чтобы ты была в курсе.

– В курсе чего?

– Я защищаю слово Божье и титановые нити – не предел моей фантазии!

– Игорь...

– Сэм?

Как я у него записана в телефоне? Бездушное создание? Он оказался, чертовски прав. Именно такой я хочу быть сейчас. Не хочу, чтобы его слова что-то во мне задевали.

Такой красивый, насколько человеку вообще разрешено быть. Я ловлю свою руку застывшей на полпути к его лицу, потому что мне хочется дотронуться до его щеки. Его лицо озаряется подобием улыбки, как будто он читает мои мысли, и я чувствую, как щеки вот-вот покроются краской, которую я потом не смогу выжечь из его памяти даже кислотой или адским огнем.

Он резко подается вперед и тащит меня за руки. Пока проклиная, что надела платье, он располагает мои ноги, вокруг своего торса, и мы оказываемся лицом к лицу. Нас разделяет всего несколько сантиметров и одно дыхание на двоих, а я все еще не ору и не крою его матом, хотя в своих размышлениях над тем, если он когда-то захочет ко мне приблизиться, я его избивала.

Сейчас я не двинулась ни на сантиметр. Я просто слежу за его губами, за тем, как они приближаются ко мне. Как меня озаряет его дыхание, его запах, похожий на какие-то терп-

кие специи, и я не знаю, с чем это сравнить, чтобы понять, что в нем заключено.

Я вдыхаю и выдыхаю. Пытаясь подавить трепет, который грозитесь вырваться наружу, как будто мои внутренности заменили бабочками.

Когда его губы касаются моих, во мне происходит атомный взрыв в районе солнечного сплетения, и я не понимаю, как он может этого не заметить. Из меня должен повалить дым, потому что я сожжена им изнутри. У меня нет внутренних органов, и я всего лишь дух без тела. Он проводит языком по моей верхней губе, слегка прикусывает нижнюю. Думаю, что, наверное, именно за этим до меня приходило огромное количество девушек, но полностью в ключьях уйду только я.

Его руки скользят по моим мокрым волосам, прижимая за затылок к себе и перемещаются на спину.

Не то чтобы я помнила, какими бывали поцелуи обычно, точнее я не помнила ни одного, а в этом мире мне еще не приходилось практиковаться, но его поцелуй был похож на ванильное мороженное. Слишком сладкий и мои зубы сводит от холода, когда я пытаюсь вспомнить, как он обычно себя вел. Я принимаю дозу лучшего наркотика в мире, и пока он бежит по моим венам, я не помню этого дня, не помню о том, кто я такая и что натворила. Он – мой антидепрессант, разработан таким образом, чтобы я никогда с него не слезла.

Он резко отрывается от меня, хватая футболку, кото-

рую так и не надел и уходит прочь. Я сижу и хватаю воздух на этом гребанном подоконнике.

Почему он так себя ведет?

– Что за... хрень? Тот, кто охраняет... как там меня зовут, не должен себя вести как дерьмо, или я не права?

Он застывает, пока протягивает голову в горловину футболки. Я вижу, как он взвешивает свое решение, и решаю надавить:

– Мне нужны ответы! Прямо сейчас!

– Хочешь ответов? – злобно скалится он. – Получи: ничем хорошим для сирен подобное не заканчивается!

И выскальзывает за дверь, оставляя меня одну в этой огромной безумно холодной комнате.

Глава 8

Не знаю, когда Игорь вернулся, но ночью обнаружила себя укрытой пледом, и он спал рядом поверх постели. На спине в позе звезды. Собственно, эта привычка и сослужила медвежью услугу.

Будить любую из сирен можно сравнить с попыткой нарваться на медведя. Слишком возбудимый тип нервной системы и инстинкты самосохранения нежно шепчут: «Сначала обезвреживай, затем разбирайся». Поэтому первое, что я услышала тем утром это:

– Отпусти мою руку!!!!

Мои пальцы обернуты вокруг запястья Игоря и еще чуть-чуть, и оно превратится в пыль.

Застываю, перевожу взгляд на источник воплей и удара по голове, который выступил катализатором происходящего. Игорь лежит против света, поднявшись на локте руки, которая не попала в зону моего поражения, пока я все еще решаю не швырнуть ли его через себя.

– Слушай, я, конечно, не часто просыпаюсь с девчонками, но ни одна из них не пыталась меня убить в процессе...

Впечатление, что до меня не может дойти смысл слов, и плююсь на него, пока мое сознание не проясняется окончательно, и я сообщаю, что делаю с ним в одной постели. Аккуратно отпускаю руку, приправляя это ехидной улыбочкой:

– Ты напал на меня. Я думала, что сплю одна.

Он мешкает и виновато произносит, втягивая голову как нашкодивший щенок:

– Извини, не хотел, просто я...

Я оглядываюсь на часы, естественно все мыслимые и немыслимые сроки тренировки я уже проспала, думаю о том, как меня будет отчитывать Олли, когда наконец соизволю появиться...

Провожу руками по волосам. Они в беспорядке, я же вчера повалилась на кровать с мокрой головой. Пять баллов, Сэм! Автоматически привожу их в порядок, завиваю в аккуратные волны...

Дрожь отвращения проскальзывает сквозь его тело:

– Никогда не привыкну к тому, как у вас волосы живут отдельной жизнью

– Не нравится – не смотри! – злобно огрызаюсь я.

Тру глаза, делая вид, что то, что мы делим одну постель на двоих, меня не волнует. Я пытаюсь доказать себе, что все, что произошло вчера и происходит до сих пор, не является моим кошмаром. Это мои будни – пора смириться!

– Где мой телефон? – ерзаю по кровати, запикиваю руку под подушку, потому что по какой-то непонятной причине держу его там ночью. Но его нет. Черт, по правде я не даже не могла вспомнить, где я видела его в последний раз, я могла забыть его в доме, когда Игорь потащил меня, ничего не объясняя, и это будет совсем нехорошо. С мобильными

тут легкая напряженка.

– Я выключил звук на случай, если Олли захочет поднять тебя на утреннюю тренировку... – рука протягивает ко мне мой смарт, и я смотрю на него ошалелыми глазами.

– Отличная идея, не тебе же огребать потом...

– Просто я решил, что мы все равно должны были отдыхать...

Но я не слышу, что он говорит, я уже погружаюсь в свой гаджет, который необходим мне как воздух сейчас. Но там ничего. Что за?

– Ничего нет, с ними что-то случилось, они могли не вернуться...

Я вспоминаю окровавленное тельце Кейт на руках у Кирка, и внутри все переворачивается. Стартую босая прямо из постели и врезаюсь в него на выходе. Больно ударяюсь головой о грудную клетку. Он преграждает мне путь и вручает свой мобильный с открытым сообщением от Олли, в котором она говорит, что я могу отдыхать и не нужна ей до обеда.

– Видишь, все в порядке, выключи панику. Все живы.

Только сейчас я понимаю, что из одежды на нем только шорты, и на меня тяжестью бетонной плиты наваливается то, что мы спали вместе. В одной постели.

Черт. Черт. Черт!

Он сбежал вчера от меня. Я не знаю почему, хотя он усиленно пытался выставить все, как будто это его решение, и он пытается меня защитить. Но это... это всего лишь отговор-

ки, он сам шагнул ко мне, сам рассказал мне всю ту чушь и...

Я автоматически отстраняюсь, и его рука зависает в воздухе, пока я бреду в сторону ванной.

– Это означает, что ты согласна? Эй... не веди себя, как ребенок! Может, объяснишь, что с тобой происходит?

Конечно, со мной ничего не происходит! Мы с ним просто вчера целовались, а потом он резко свалил. Меня ничего не должно напрягать. Я оборачиваюсь и произношу:

– У тебя есть там лишние зубные щетки? – на его лице появляется удивление. Он хмурится и потом неясно улыбается, как будто считает, что я сумасшедшая.

– В верхнем ящике.

– Отлично!

И скрываюсь в ванной.

Защелкиваю ее и проверяю несколько раз насколько замок надежен. После чего реально нахожу новую зубную щетку среди кучи дезодорантов, средств для укладки волос и презервативов. Еле сдерживаюсь от того, чтобы не уничтожить их все. Просто ради того, чтобы обломать ему кайф в следующий раз.

Да, я бездушное создание! Злобное, бездушное создание!

Я залезаю в душ, чищу зубы, надеваю ту же одежду, что и вечером и долго пялюсь в зеркало, не выключая воду, надеясь, что он не догадается, что я тут слишком задержалась. Но я его недооцениваю, через несколько минут раздается

стук в дверь.

– Сэм, ты там еще? Или смыла себя в ванну с водой?

– А я могу так сделать?

– Нет, но я думаю, ты бы могла найти способ... с тобой точно все в порядке? – все еще пялюсь в зеркало, изучая каждый миллиметр лица. – У меня тут завтрак...

Я хочу сказать ему, чтобы он отвалил. Потому что вчера во мне был взрыв, и сейчас нет ничего живого. Благодаря тебе и темным ребятам, которых я убила.

Но не говорю ничего, а молча открываю дверь и выхожу.

Мне все равно!

Мне все равно!

Мне все равно!

Он отходит от двери, давая мне место для маневра.

– Я надеюсь, мне никогда не придется выбивать дверь, чтобы тебя оттуда выкурить.

– Я надеюсь, что я больше не окажусь в твоей ванне.

Из динамиков разносится мягкий голос, который говорит нам: «Sugar, yes please, won't you come and put in down on me. Oh right here, 'cause I need little love and little sympathy», и это никак не вписывается в атмосферу происходящего.

– Прекрати! Я не сделал ничего плохо...

– И правда, не сделал! – выражение лица Игоря – вместо тысячи слов.

Ему просто нечего сказать.

Но он очень хочет меня придушить, пока голос допевает:

«Yeah, you show me good loving make it alright, need a little sweetness in my life Sugar yes please, won't you come and put it down on me».

– Ты что-то говорил про завтрак? – он проглатывает мое безразличие. Оно ему не нравится, это понятно по тому, как он стискивает челюсть, и на лице начинают играть желваки. Руки уже переплетаются на груди, и я добавляю. – Ты не мог бы одеться?

Он не отвечает, но и не одевается. И кто после этого ведет себя как ребенок?

Естественно, на столе дымится капучино с мятным сиропом и что-то для него. Рецепт этого напитка я не знаю, но запах непривычный и пряный. Еще какие-то тосты, блинчики, вафли. Он подготовился, не уверена, что большинству девочек, которые тут просыпались, оказывали подобный прием.

Мы как всегда садимся друг напротив друга. Я смотрю на дверь, он в окно, молча подносим кружки с кофе к губам. Я перевожу свой взгляд, прикрываясь кружкой так, чтобы было видно только глаза. Он наблюдает.

Секунда, вторая, третья... он резко опускает кружку на стол с грохотом, разливает больше половины по поверхности, в том числе на себя. Я улавливаю, как он слегка шевелит пальцами, охлаждая кипяток на коленях.

– В чем дело? – его голос настойчивый и раздраженный, плохо скрываемая ярость поселяется в глазах, пока я молчу, медленно отрываю кофе от губ и опускаю его перед собой.

Мой напиток остался со мной.

– Ни в чем! – я слышу, как безразлична со стороны! Он впивается в меня льдом своих глаз. В них столько... решительности.

– Это из-за того, что я свалил?

– Нет! – мысленно добавляю: «Ну, не только из-за этого»

– Из-за того, что мы целовались? – откровенность застаёт меня врасплох, обычно люди стараются говорить о таком более аккуратно, танцуя вокруг да около. Все мои доводы застревают в легких, так и не родившись на свет. Он понимает, что попал в точку и продолжает свой эмоциональный монолог. – Знаешь, что сказала бы про это Олли? Что в тот момент, когда я дотронулся до тебя, тебе пришел конец! И это просто медленная смерть, потому что рано или поздно между инстинктом самосохранения и мной ты выберешь меня, и это будет твоим последним решением в этой жизни. Проблема в том, что ты сделала выбор еще до того, как я пальцем тебя тронул, и это понижает твои шансы на выживание до нуля. – Он сглатывает, не отпуская меня взглядом, и продолжает. – Это было эгоистично с моей стороны, я не должен был этого делать. Потому что ты в отличие от меня делала все возможное, чтобы сохранять дистанцию! – о да. Именно! Держала, как могла! – Как только я тебя увидел на том чертовом приеме, все пошло наперекосяк!

Я вжимаюсь в стул и заставляю себя отвести взгляд. Я чувствую, как краска поднимается по моему телу к щекам

и это ужасно. Ужасно, что он увидит, как я смущаюсь. Но я не знаю, куда мне себя деть. Он наблюдает за мной и начинает немного улыбаться. Совсем чуть-чуть. Лицо становится теплее и мягче, глаза не такими холодными, и сам он расслабляется.

– Ты даже не представляешь, какой милой становишься, когда смущаешься.

Это уже слишком.

Я не становлюсь милой никогда теряю контроль над ситуацией, никогда смущаюсь. Это все блажь. Мне нужно выйти из зоны поражения. Я просто встаю и собираюсь уйти, но он как всегда очень быстрый, ловит мою правую руку. Я вырываю ее и двигаюсь дальше. С левой рукой у него получается лучше. Он проворачивает меня под своей рукой и прижимает обе моих к своей груди, избавляя от пространства между нами.

– Только не говори мне потом, что я во всем виноват! Я даже дал тебе возможность сказать мне «нет».

Его рука скользит по моей талии, а вторая – к затылку.

У меня создалось впечатление, что все те слова, которыми он бросался за несколько секунд до того были попыткой достучаться не до моего мозга, а до себя. Вернуться на путь истинный – перестать подвергать меня опасности.

А мне было все равно. Я с таким в деле не сталкивалась и просто хотела, чтобы он устроил еще один взрыв во мне.

БУМ!

Его губы коснулись моих.

Бум!

Его руки сжимают кожу на моей спине, и я уверена, что там останется отпечаток.

Бум!!!

Я высвобождаю свои руки и притягиваю к себе его губы ближе. Еще ближе. Запредельно близко. И он топит меня в себе.

На самом деле взрыв ждал меня, когда обо всем этом узнает Олли, а не когда Игорь усаживал меня на обеденный стол и продолжал целовать, а его руки зарывались в мои волосы.

Я, конечно, предполагала, что я ему нравлюсь, он не стал бы давать мне подойти так близко просто так, но не думала, что это все запущенно до той степени, в которой он бродил пальцами по моей спине. Так осторожно, как будто думал, что прячу свои невидимые крылья, и, если он до них дотронется – сделает ужасно больно. В очередной раз, когда он коснулся губами моей шеи, я встрепенулась и немного отстранилась от него.

– Что ты делаешь? – спрашивает голос, похожий на мой.

Он мне улыбнулся... не так как делал это, когда я видела впервые, и не так как он это делал каждый следующий день. Он просто мягко открыто улыбнулся, показывая себя настоящего, без надменного взгляда, горделивой осанки, хищных глаз. Мальчишка! Который счастлив, что кто-то, кто

ему нравится, оказался у него в руках. Я видела небольшие морщинки у глаз, которые означают истинное удовольствие.

– Наслаждаюсь моментом и жду, когда ты меня отошьёшь, – это заставило меня улыбнуться привычной хищной ухмылкой, при которой приходит в движение только один уголок губ. Он посмотрел на меня и прошептал. – Ты улыбаешься так в стае. Хотя я знаю, что умеешь по-другому.

О. Боже. Мой! Мы в таком дерьме!

Меня спас телефонный звонок от того, чтобы утонуть в своих мыслях.

Это была Олли. Я знала, могла даже не поднимать трубки, но собиралась это сделать до того, как он выхватил его у меня и зажал мой рот рукой, когда я попыталась возразить на это. Приложив указательный палец к губам, он загадочно зашипел:

– Тсс! – после чего ответил на вызов шепотом. – Привет, Олли. Да, с ней все в порядке! Нет, я не изнасиловал ее! – он закатывает глаза, я сжимаю губы, чтобы не рассмеяться. – Если бы между нами что-то и было, то она не протестовала бы. – Сразу после слов он отдирает трубку от уха, чтобы не оглохнуть от воплей. – Она уже просыпалась, поела и опять легла, если хочешь, я могу ее поднять... ну, как хочешь, я предложил. Да, можешь передать мне одежду для нее или сама зайди. Нет, она не жаловалась. Мы поговорили, все нормально. – Впечатление, что он собирался завершить разговор, но затем... – А что с теми парнями... темными? – я

мгновенно выпрямилась, и мой пульс пошел вверх. – А с огнестрелом? Да, она переживает!.. Нет, она не пыталась выброситься из окна!.. Когда проснется, я скажу! Ок, увидимся вечером! Не за что, я сам за нее очень волнуюсь! – Он смотрит на меня серьезными глазами и шепчет в трубку. – Не хочу, чтобы ей было больно! – и наконец нажимает на кнопку отмены вызова.

– Тебе не стыдно? Она даже поблагодарила тебя за то, что со мной возишься!

– Эммм... – он привлекает меня к себе и целует в нос. – Дай-ка подумать! – поцелуй в висок. – Определенно, нет! К тому же, это ненадолго, уже сегодня вечером она сделает все, чтобы забрать тебя из моих цепких лап.

– Ты спрашивал Олли про тех ребят... которых я.... которых...

– Парни, которых ты избивала – живы. Кроме того, которого застрелили! – Я вздыхаю с облегчением, и думаю, что пока еще не покачусь в ад. – Темные их быстро на ноги поднимут, это если бы кто-то из наших оказалась на их месте, было бы не круто!

На секунду я хочу ему рассказать, что еще один чуть не застрелил меня. Но все моментально улетучивается, и сейчас я уже не уверена, что это просто плод моей фантазии.

Он мне привиделся!

Ни один темный в здравом уме не спустит с мушки сирену!

И это вдвойне странно, потому что я все еще жива, и то в какой восторг мои внутренности приходят от прикосновения Игоря – прямое тому доказательство.

– Олли попытается нас убить.

– Ты можешь вести себя хорошо, и нам ничего не будет угрожать.

Я улыбаюсь ему, а он мне. И мы делаем вид, что оба верим. Как будто мы можем быть счастливыми, играя роли, которые нам отведены. Ведь так приятно думать, что сможешь с чем-то справиться.

Надежда.

С нее начинаются самые большие неприятности.

Глава 9

Все шло удачно в течение шести недель.

Принципов было всего несколько:

Я не остаюсь у Игоря на ночь и не засыпаю от усталости в зоне поражения.

Гримасничаю и закатываю глаза при его едких комментариях.

Провожу достаточно времени в компании сирен.

Обсуждаю других парней и иногда даю волю, танцую с кем-то из них.

Игорь, в свою очередь, продолжал отпускать в мою сторону пошлые шутки, уводить девчонок с вечеринок, напиваться и не давать мне садиться за руль его автопарка, пока я не начинаю угрожать расчлененкой, или он не отрубается от количества выпитого.

Главное, вытворять это все так, чтобы не перегибать палку.

Оказывается, люди с плохо ограниченной властью ужасно переносят посягательство на то, что считают своим.

Пару раз я или кто-то из сирен отгаскивали принца Теодора от полуживых парней, которым «посчастливилось» дотронуться пальцем до меня, в состоянии кровавого месива. Обычно я игнорировала его после подобного несколько дней.

Пару раз я вытаскивала его с очень откровенных вечеринок, потому что Его величеству не к лицу шляться по притонам. И делала над собой усилие, чтобы не разорвать на мелкие куски и не сжечь вокруг все дотла. И вновь игнорировала какое-то время.

Больно было только мне. Игорю было относительно весело.

К тому же в моей голове до сих пор стучали слова «Надеюсь, блондин понимает, как ему с тобой повезло. Потому что, если я узнаю, что нет, то найду способ сделать так, чтобы он осознал это».

Я никому не рассказала, что темный оставил меня в живых, имея возможность превратить в ошметки мозги, потому что или мне не поверили или решили, что я сошла с ума. Вот только я очень ему верила. Что-то было в его интонации, что по-настоящему приводило в ужас, скручивало живот и доводило до иступленного страха.

Возможно, его угроза не относилась напрямую ко мне, и я никак не повлияю на это, но ущерб был нанесен, а выводы – сделаны. Как будто он мог за мной наблюдать и... он что-то сделает, если узнает, что...

Да какого черта? Я что, реально размышляю над тем, будет ли какой-то темный пытаться доказать Игорю, что его домашняя зверушка достойна большего?

Да, мне очень нравится Игорь и более того, в целом – у нас наверно самые здоровые отношения из всех, которые разво-

рачиваются на моих глазах в Теодоре. Но никто не отменял того, что я до сих пор не понимаю, что я тут делаю и почему должна за него умирать?

Гоню эту мысль снова, разглядывая себя в зеркале гардеробной. На мне красивое светло-золотистое платье. Такое себе шифоновое великолепие с нетвердым корсетом. Волосы завиты и касаются плеч. Если бы окружающие не были в курсе того, кем я явлюсь, они бы посчитали меня милой.

Только вот глаза грустные, и нет настроения улыбаться, потому что болит добрая половина спины. Днем ранее я свалилась со стены, и хотя гематома прикрыта тоннами гипюра, я-то о ней знаю. Каждое движение дается с определенной долей усилия. И меньше всего я хочу идти на танцы в честь чего-то, сама не помню, чего, чтобы жители Теодора думали, что мы просто веселимся, а не сканируем местность на предмет прорыва периметра.

Я надеюсь, что Игорь сжалится надо мной и придет попозже, чтобы не заставлять отплясывать с ним в течение нескольких часов. Ему я отказать не могу, и это обстоятельство он изменять не собирается. К тому же, он ошивался у нас вчера весь вечер и делал вид, что его почти не передергивает от того как я вою, пока они проверяют мой позвоночник.

У обоих получалось плохо.

Через 40 минут Дели касается моего локтя и наклоняется ко мне, чтобы прошептать:

– Сильно болит?

– А что на лице написано?

– Что ты свалилась со стены.

Я коротко изображаю улыбку одними губами. Действительно, двигать руками и опираться на спинку стула больно. Я сижу, как будто в мой позвоночник вставили кол, и стараюсь вертеть только головой.

Мел падает рядом со мной в своем коротком синем бандажном платье. Оно не оставляет места для фантазии, но ее это точно не волнует. Она пробегает пальцами по татуированному плечу и нажимает на трапецию, сморщив хорошенький носик, который, к слову, собирали по частям неделю назад. Ей тоже вчера досталось, но меньше, чем мне.

– Алиса опять ушла в отрыв. У меня есть где-то час до того, как она станет невменяемой. Я принесла нам голубую лагуна. Может тебе станет полегче от алкоголя.

– Ты – мой ангел-хранитель.

– Я – твой дилер. Если бы у тебя был ангел-хранитель, мы бы никогда не познакомились в этом месте. Видела Игоря? – отрицательно мотаю головой, но ради безопасности своей нервной системы, принимаюсь за коктейль. – Он с какой-то девчонкой у западного выхода... если вдруг тебе интересно.

– Не удивительно!

Не веду даже взглядом. Не хочу запоминать еще одну девчонку, которая хихикает над его шутками. Убеждаю себя

в том, что он просто с ними флиртует и ничего больше.

И мне не хочется препарировать его и его временную девчонку на мелкие куски.

Поэтому мы громко сталкиваем бокалы, и я методично вливаю неоновую-голубую жидкость в себя, надеясь, что это как-то улучшит мой день.

Надеясь, что это как-то улучшит мою жизнь.

Кейт смотрит сквозь меня, и один угол ее губ приподнимается в жесткой ухмылке, которая может означать интерес. Она не знает, что каждый раз, когда я смотрю на нее, я вспоминаю, как Кирк взлетает по лестнице с ошалелыми глазами и ее окровавленным телом на руках. Она шепчет:

– Мел, зацени его, – блондинка скользит глазами, и ее губы приподнимаются точно так же, как и у брюнетки:

– Горячий.

– Я его раньше не видела, – подхватывает Дели. – Сэм, ты должна это увидеть. Мне кажется, он в твоём вкусе и...

– Дамы...

Я не успеваю проследовать за их инструкциями, когда низкий вибрирующий голос проникает в мою грудную клетку. Я могла бы узнать его из тысячи и тысячи других.

Потому что он уже шесть недель разносится каждый день в моей голове.

Я замираю, нервно выдыхая весь воздух из себя, а три сирены приходят в движение. Тот момент, когда девчонки превращаются в охотниц за головами. Мел сладко улыбается

парню за моей спиной, словно ее шея больше не доставляет неудобств, и произносит одними губами:

– Ты должна это видеть!

Я кручусь на стуле и невольно морщусь от боли, пока ищу нависающие надо мной глаза-изумруды.

Да, это он.

Тот, кто приставлял пистолет к моему лбу полтора месяца назад. Надежда на удачу проваливается камнем в мой желудок, потому что в глубине души я надеялась, что это просто еще один обладатель безумно сексуального голоса.

На нем узкий темно-коричневый костюм и галстук бабочка.

И его глаза насмешливо изучают меня.

– Можно пригласить тебя на танец?

– Нет! – говорю я.

– Да! – говорят три предательницы, которые не понимают, что творят.

– Прекратите! – яростно шиплю я.

– Да ладно тебе. Я не кусаюсь!

Конечно, ты только стреляешь из пистолета в лоб. Или намекаешь на то, что ты можешь это сделать.

Его улыбка – море очарования. Я чувствую, как три сирены растекаются в лужицу на другом конце стола.

Рука все еще протянута ко мне, а я смотрю на него просто ошалевшими от ужаса глазами. Он продолжает улыбаться, протянув ладонь еще ближе. Я продолжаю сидеть столбом.

– Не тормози, Сэм! – толкает меня в плечо Мел, от чего я огрызаюсь в ее сторону:

– Моя спина! Не можешь запомнить?

И вот я сажу, обхватив один бок, и пытаюсь сделать так, чтобы боль не превратилась в слезы. Глубокие вдох и выдох и поиск положения, в котором я могу прийти в себя. Я понимаю, как жалко выгляжу, сгорбленной и скулящей, но решаю посмотреть на него. Темный недобро прищуривается, оценивая ситуацию, и как бы спрашивает: «Что это за херня?». Да, мне очень больно. Так больно, что искры полетели из глаз. Он цедит сквозь зубы:

– В таком случае, я настаиваю! – и, не дожидаясь моего очередного отказа, тащит меня за руку на танцпол.

Я оглядываюсь, скалюсь, показывая сиренам средний палец. Все трое в ответ поднимают большие и лыбятся во все 32 зуба. Они почему-то решили, что, если я найду себе какое-то увлечение, будет в целом повеселее.

Темный парень тащит меня сквозь толпу:

– Я надеюсь, ты умеешь танцевать.

Он резко дергает меня к себе, впиваясь рукой в спину, чем доставляет мне весь спектр ощущений. Но даже не морщится, когда я ору у его уха от боли:

– Полегче!

Моя макушка едва достигает его губ даже на огромных каблуках. Я не смотрю на него, но не могу не заметить, что он довольно улыбается.

– Я всего лишь хотел понять, насколько все плохо..., и ты чертовски милая, когда не можешь контролировать ситуацию.

– По твоим словам, я чертовски милая, даже если к моему лбу приставить пистолет.

Он улыбается и немного подталкивает меня, двигается под музыку.

– Болит спина?

– Что ты тут делаешь?

– Ушиб?

– Чего тебе надо?

– Травма?

– Почему ты уверен, что я тебя не сдам?

Он прокручивает меня под рукой нежно, давай время сгруппироваться, и мы продолжаем двигаться под тягучую музыку почти на месте, пока его губы, практически касаясь моего уха, шепчут:

– Потому что ты мне должна! А теперь расскажи, что с тобой.

Наблюдаю, как три хитрющие сирены переговариваются между собой, хихикая как школьницы, тыкают в нас пальцем. О, если бы вы знали, на что меня толкаете.

Быть должной темному парню свою жизнь – ужасно. Я вздыхаю и нехотя говорю:

– Я шлепнулась со стены. – Он как будто даже не удивлен.

– Было высоко?

2 этажа, но я вру:

– Не помню!

– Какая сторона?

– Правая... – неуверенно отвечаю я.

Его рука скользит вдоль моей спины. Забираясь под складки платья в районе молнии, я застываю и невольно ахаю. Когда он нащупывает эпицентр боли.

– Воу... тебя что, никто не лечил?

Настроение вокруг нас меняется, как только его глаза напоминают огненные щели. Как будто он злится, осознавая то, что я предоставлена сама себе.

– Само пройдет! Есть более важные... о даааа!

Я прикрываю веки от того, как лед затекает в район ушиба, полностью игнорируя, что это значит его руку на моей коже. Моей. Голой. Коже. Он продолжает медленно вести меня за собой по танцполу, аккуратно обходя остальных танцующих, пока я с закрытыми глазами пытаюсь устоять на ногах.

Я нечленораздельно мямлю:

– Ты – вода... – он усмехается:

– А ты – бог причинно-следственных связей и милашка, но мы это уже выяснили.

Я хихикаю, словно пьяная, так приятно получить дозу обезболивающего.

– У тебя трещины на ребрах. Ты в курсе?

Нет. Возможно, мне про это говорили, но я не обратила внимания. Ходить и дышать могу, остальное – не важно. По-

том заживет.

Я просто игнорирую его вопрос.

– У тебя может быть ушиб внутренних органов, или кровотечение, или...

– Забей! Просто продолжай это делать...

Он перестает двигаться, убирает руку и боль возвращается, пусть и не в том объеме, что была до этого. Мне приходится открыть глаза, чтобы столкнуться с его...

– Как это забить? Тебе больно! Я наблюдал за тобой, с тех пор как зашел в зал, каждое движение давалось с определенным трудом. У тебя могут быть... Я оставил тебя в живых не для того, чтобы ты... чтобы... да, какого черта!

Он хватает меня за руку крепче и тащит в сторону одного из выходов. К несчастью, того, у которого Игорь и его девушка на вечер устроили показательное выступление. Как раз вовремя, к началу новой песни в колонках и того, как Игорь отрывается от брюнетки-двойки, чтобы проводить нас взглядом. Я едко ему улыбаюсь, говоря глазами, чтобы не лез. Но то, как его руки сжимаются в кулаки... в общем, впечатление, что я попала в небольшой филиал ада на земле.

Рука темного скользит по моей талии, прижимая ближе к себе. Настолько близко, что я могу анатомически почувствовать его пресс. Теперь уверенно могу заявлять, что умею считать до восьми. Потому что четко чувствую все его восемь кубиков на животе. Осознание этого врывается в меня, заставляет глубоко вдыхать, чтобы справиться с реаль-

НОСТЬЮ.

– Я тебя предупреждал, что если он не будет о тебе заботиться, тогда позабочусь я.

– Какая прелесть... Интересно, кто тебе дал на это право, а главное, как ты собираешься это сделать?

Я пытаюсь податься назад, чтобы между нами оказалось хоть какое-то малейшее пространство, но он крепче впивается руками в мое тело.

– У меня есть несколько вариантов, и я пока не определился.

– Как решишь, предупреди, чтобы я знала, что это забота. И если ты думаешь, что помог мне со спиной, и теперь можешь переломать меня по второму разу, то...

– По крайней мере, рядом со мной на тебе не оставалось бы следов.

– На мне и так их не остаётся, и это только моя заслуга!

Мой мозг усиленно игнорирует словосочетание «рядом со мной», как нежелательное. Он на секунду останавливается и снова делает шаг ко мне, сокращая расстояние между нами до 0. Его губы застывают в нескольких сантиметрах от моих, когда он произносит:

– Ты недооцениваешь степень опасности ситуации, в которой находишься...

– Я все прекрасно...

В этот момент кто-то дергает меня за плечо, вырывая из его рук. Я успеваю отметить ярко-голубые холодные глаза

ровно за секунду до того, как губы Игоря накрывают мои.

Я почти задыхаюсь от его напора. Он целует меня с такой остервенелой страстью, что я просто не могу заставить себя шевелить мозгами.

– Игорьь, – где-то рядом Олли шипит его имя, как змея, и он отпускает меня. Я делаю два шага назад и упираюсь спиной в темного, который никуда не собирается обратиться, а только ехидно улыбается.

Что-то вроде «Ну, я же тебе говорил».

– Стоило ее оставить с тобой на какое-то время, и ты уже обратил ее в секту веры в себя?

Наглая ухмылка покидает лицо Игоря, он медленно встречается глазами с Олли:

– Не начинай, я не сделал ничего плохого!

– Ты всего лишь пока не сделал ничего плохого.

Она делает шаг к нему, я подаюсь вперед, и темный так сжимает мою руку, что немеют пальцы.

– Стой на месте сирена! Он – большой мальчик и разберется с твоей мамой-медведицей сам! – я вновь пытаюсь вырвать руку, но его пальцы еще сильнее обвиваются, оставляя меня с собой.

– Олли, прекрати! Все будет хорошо... – Игорь забивает на попытки улыбаться. А темный вновь шипит над моим ухом:

– Видишь, он не волнуется о тебе. И придурку было понятно, что вы вместе. Но он не смог выдержать того, что я

просто мило танцую...

– Заткнись, – огрызаюсь я в его сторону

Я понимаю, что, по крайней мере, сейчас все хорошо не будет.

Олли шагает к Игорю и ударяет наотмашь по щеке с такой силой, что он отлетает и приземляется на стол с закусками, разламывая его пополам. Темный вовремя отпустил мою руку, когда я рванула вперед с желанием защищать, но тут же была перехвачена Кейт и Дели. Их руки на моих плечах не дают пошевелиться, и я вот-вот захнычу, как капризный ребенок от отчаянья. Рядом с Мел уже пышущая злостью Алиса, которая поедает меня ненавидящими глазами.:

– Таки добралась до него! – я рычу в ответ, пытаюсь сбросить с себя оковы.

– Алиса, – шипит Мел, – не задирай ее! Я хочу сама это сделать!

– Не думаю, что это хорошая идея, Мелани. – Ядовито выпаливаю я. – Да, кстати, забирай этого, раз все уже в курсе, с кем я на самом деле!

Ее передергивает точно так же от своего имени, как и меня, а затем она еще раз оценивает темного, который спешит сообщить ей:

– Без обид, милая, но я не ценитель блондинок!

Она должна была показать ему средний палец, но мой взгляд прикован к верховным.

– Если ты готова держать себя в руках, мы отпустим, – шепчет у моего уха Кейт, и я подчиняюсь.

Игорь быстро поднимается и смотрит на приближающуюся Олли, которая настолько злиться, что у неё начинают гулять волосы, будто бы она не может определиться, какую причёску оставить. Я шепчу Кейт:

– Он мне говорил, что будут оплеухи, но я не думала, что она будет ломать им стол. Майку так же доставалось? – сначала говорю, потом думаю.

Кейт застывает со стеклянными глазами, а я прикрываю рот рукой.

– Ты знаешь про Майка?! – она толкает меня на темного, как будто он – гарант того, что я не сбегу, и с ней заодно. – Это блондин проболтался?

– Прости меня! Я... я...

Она медленно закрывает глаза и когда опять показывает мне свои ярко-серые глазища с темным ободком радужки, они принадлежат не Кейт.

А кому-то, кто сейчас тоже вломит Игорю. Тело Кейт ментально переключается в другую плоскость.

– Стоять! – Дели погружает ноги подруги по колено в каменный пол, когда она пытается рвануть к Олли. – Ты не будешь заниматься переносом своих проблем на него! Если надо будет, я закатаю тебя в стену и буду слушать твои вопли, пока ты не смиришься!

Сначала она пытается вырваться, потом истошно рычит,

и только через секунд тридцать делает глубокий вдох и поднимает руки, как будто сдаётся, говоря:

– Все нормально! В том-то и дело, что это были оплеухи, а надо было сразу громить мебель. Может тогда все закончилось бы не так по-уродски.

Нас прерывает звук ломающегося дерева. Игорь вновь пролетает с одного конца зала в другой, но на этот раз приземляется на ноги.

– Прекрати, я не буду защищаться! Давай спокойно поговорим, я не хочу ее обидеть!

Вопли Олли разрывают тишину:

– Можно просто подставить ее под удар! Или давай найдем пушку, я вложу ее в твою руку, и ты сам ее застрелишь! Чего ждать-то?

Рука темного сжимает мое плечо. Он напоминает, что, в отличие от Игоря, имел эту возможность. Какая ирония.

Она выпускает волну огня, поджигая попутно бумажные украшения. Дели бросается хоть как-то держать в рамках последствия разъярённой Олли. Игорь просто пытается заблокировать, пока она ему слегка не опалает прическу.

– Ты хоть знаешь, сколько на моей укладке лака? Я мог сгореть заживо!

– Ей бы было не так больно! – она оказывается рядом с ним, начинает наносить удары. Олли в красивом вечернем платье, на каблуках избивает Игоря, который все еще пытается достучаться до нее словами.

Сбрасываю с плеча руку темного и переношусь к ней, пока Кейт не успевает меня подхватить, помогая Дели. Дергаю Олли за пояс и оттаскиваю на пару шагов, пока она понимает, что происходит, я встаю между ними с Игорем и бросаю на него такой грозный взгляд, что все его колкости и аргументы застревают в его глотке. Он остаётся на месте. Взъерошенный, с разорванной жилеткой, один рукав закатан, второго просто нет.

– Свали отсюда нах... – но она не успевает договорить, я делаю шаг в ее сторону, сбрасываю туфли и готовлюсь упадать, мои татуировки начинают гореть чем-то между голубым и лазурным, достаточно, чтобы понять, что я не шучу.

– Какого черта, Сэм??? Дай, взрослые разберутся между собой!

– Я – его страж! Ты – прямая угроза, проверим, кто кого? – я выгибаю бровь и дергаю головой в сторону, спрашивая ее, реально ли она хочет со мной сойтись. Я знаю, что она надерёт мой зад, но перед этим успеет и от меня схватит чего-нибудь, что завтра на ней оставит свой след. Она стискивает зубы и выходит из боевой стойки, но я все также стою и смотрю на нее.

– Я сам могу.

Я оборачиваюсь на него и шикаю так злобно, что он опять затыкается. Я понимаю, что на нас смотрит куча народу, что разборки между сиренами не увидишь так часто. Но шоу должно продолжаться!

Злость и ярость!

Я – комок злости и ярости.

Игорь хотел что-то сказать, но я не дала.

– Вы оба носитесь со мной, как с маленькой девочкой! А я сама могу за себя постоять! Сама могу справиться со всем и решить, что мне нужно, а что нет! Олли, сделай одолжение, дай мне вздохнуть полной грудью, без каких-то ограничений на то, чтобы я просто жила!

С этими словами я подхожу к ней, и она пятится на несколько шагов назад. Верховная сирена пятится от меня. Я что, имею реальный вес в этом мире? Она глубоко дышит и смотрит на меня с отчаяньем.

– Ты не понимаешь, о чем ты говоришь. В реальной...

– Ты хочешь сказать, что для меня было все нереально? Ты хочешь сказать, что я не доказала, что могу сама отвечать за свои поступки и человека, которого защищаю? Ты хочешь...

Я ловлю взглядом темного, который исследует огромные окна зала, и я не понимаю, почему он вглядывается туда, пока его голос не разлетается вокруг нас:

– Все вон!

Олли соображает быстрее нас. Она переключается, и толпу людей сносит к дальней стене порывом воздуха. Игорь оказывается возле меня ровно для того, чтобы заставить пригнуться и закрыть собой.

Звон стекла и вой сигнала о нападении.

Я инстинктивно закрываю уши, вжимаясь в того, кого защищала 15 секунд назад. Руки Игоря обхватывают мое тело. Это – то единственное, что задерживает меня в этом мире, чтобы не сойти с ума от страха. Они никогда не заходили так близко. Они никогда не пытались войти в замок. Адреналин просачивается в мою кровь, заставляя перейти на «режим сирен».

Когда мы выпрямляемся, в зале начинают появляться темные.

– Пойдем!

Игорь тащит меня за руку!

Я не понимаю, что происходит. Но Мел подталкивает меня к нему:

– Слушай своего принца, ты сейчас плохо соображаешь и...

Ее рука вздымается вверх за моей спиной, и кого-то смывает волной воды. Игорь тащит меня в выбранном направлении, пока я не понимаю, что его рука сменяется чье-то еще на моем плече.

– Можешь ее увести, не распуская рук!?

– Конечно, Ваше...

Бархатный голос за моей спиной заставляет меня вопить как резанную:

– Не отдавай меня ему! – потому что я в ужасе. В адском диком ужасе, что он сейчас достанет пистолет и утащит меня, или пристрелит, или... я не знаю и не хочу знать, что

творится в его голове.

– Так будет лучше.

Темный парень дергает меня, увлекая за дверь, которая захлопывается за нами. Вместе с ней в зале остаются звуки сражения. Я безмолвно стою и пялюсь на резное дерево в надежде, что она отопрется и впустит меня к моим подругам, но нет! Мы за чертой! Режим блокировки при закрытых дверях сможет отключить кто-то из сирен после того, как все закончится. Я делаю вдох и разворачиваюсь лицом к темному, надеясь не показать страха перед ним:

– Тебе пора уходить к твоим друзьям.

Я босая, поэтому утыкаюсь глазами в его грудь, и такая маленькая в сравнении, что становится страшно.

– Я бы хотел проводить тебя до... обычно я называю ваш дом – змеиным гнездом, но сейчас... просто чтобы убедиться, что с тобой все в порядке.

– Со мной все в порядке.

– Я сильно в этом сомневаюсь!

– Если я пережила то, как в меня целились из пистолета, то с этим точно справлюсь... Если только ты не собираешься повторить!

Он стискивает челюсть, явно недовольный происходящим, поэтому следующие несколько секунд мы проводим в тишине:

– Никогда не присутствовал на разборках сирен.

– Ну вот, шоу оправдало твои ожидания? – начинаю дви-

гаться в сторону нашей башни, и он сразу же ровняется со мной. Не знаю, стоит ли мне туда направляться, знает ли он, где наш дом, но я так устала от этих скандалов, и он хорошенько поработал над моим телом, что единственное, чего я хочу – это спать!

– Не совсем... я не хотел, чтобы он тебя подставлял...

– Все к этому шло, так что я почти тебе благодарна и...

– Это только начало... позже они сообразят... и...

Я слышу шаги, которые раздаются за нами. Не хочу, чтобы меня видели с мальчишкой, пусть и никто еще не знает, что он темный, поэтому хватаю его за руку и тащу в угол. Мы выглядываем из-за него, наблюдая за двумя приближающимися фигурами. Его дыхание обжигает шею, и я невольно ежусь.

– Если ты не хочешь, чтобы они реально нас заметили, прекрати ерзать. – шепчет он мне на ухо.

Через несколько пройденных метров я угадываю, что это Олли и Аркадия. По последней видно, что она в ярости, и я догадываюсь, от чего. Слухи ползут по замку с молниеносной скоростью, и 10 минут вполне хватило бы на то, чтобы узнать, что ее любимый сын...

– Спутался с сиреной!

Я вздрагиваю от истерики в ее голосе, и темный кладет руку на место между лопатками.

– Не бойся!

Я молчу в ответ! Что я могу ему сказать? Что после того

как он приставил ко мне пистолет, у меня напрочь атрофировалось чувство самосохранения? Что я поняла, как легко меня может не стать и решила жить на полную, чтобы чувствовать себя живой? Чтобы чувствовать хоть что-то!

– Аркадия, я... делала все возможное и я не думала, и не... – мне больно видеть, что из-за меня Олли приходится оправдываться.

– Мне не нужны твои оправдания безмозглая девчонка!

Аркадия выбрасывает руку перед собой, и Олли подхватывает поток. Она повисает в воздухе, буквально распятая.

– Если я захочу – ты выпрыгнешь из этого окна. И я найду кого-то более соображающего. Благо, мне есть из кого выбрать, тройка сирен, которые возятся с этой рыжей, очень способны. Особенно озлобленный огонь... она так зла на весь мир, что ее ненависть можно ощутить физически...

Я чувствую, как в моем горле вот-вот появится крик, но рука темного скользит, закрывая мне рот. Он тянет меня глубже за угол, прижимая к себе, закрывая от всего, приказывая:

– Не смотри!

А дальше тишину разрывает вопль Олли.

Я зажимаю уши и даю ему буквально слить нас со стеной. Так сильно вжимаюсь в его грудь, что не осознаю до последнего, как близко нахожусь. Не дышу и не моргаю, мечтая, чтобы ее крики закончились.

Потому что это все из-за меня.

Не знаю, как долго это длится, но, когда Аркадия исчезает, он тут же отстраняется, маня за собой.

– Пошли! Твоей подруге нужна помощь.

Я стою, пытаюсь привести в ритм свое дыхание, пока не вижу, как он опускается на колени к бесчувственной Олли. Сознанием и не пахнет, но, по крайней мере, она поверхностно дышит. Его пальцы порхают над ее телом, прикасаясь то там, то тут:

– Сломано оба запястья, трещина в ноге, не могу понять, какая именно кость, множественные переломы и трещины ребер. Черт. Насколько этот коридор не основной? Мне нужно время!

– Оно у тебя есть...

Я сажусь на колени и кладу ее голову на них, поглаживая длинные волосы, в которые распалась ее прическа, пока темный мальчик лечит мою верховную. В свою очередь, преломляю воздух вокруг нас так, что если кто-то и пройдет мимо, то никого из нас не заметит. Мне так стыдно и страшно за то, что происходит. И я не понимаю, почему Аркадия так с ней поступила. Почему не со мной? В этом виновата... только я.

Наблюдаю, пока он пытается привести ее в порядок. Глаза хаотично блуждают, пока не встречаются с моими. На секунду мне кажется, что ему жаль нас, и он тут же отводит их.

Слеза прокладывает путь по моей щеке. Я ненавижу плакать, но не спешу ее вытирать и только шмыгаю носом, снова шевеля пальцами, когда чьи-то шаги раздаются неподалеку

– Не переживай, я смогу помочь ей так, что никто не узнает о произошедшем.

Я киваю, хотя до сих пор не понимаю, почему он это делает? Что им движет? Зачем он нам помогает?

И самое главное: почему он меня не пристрелил в первый же раз?

Через несколько минут ее ресницы начинают трепетать, и она невнятно мычит, просыпаясь:

– Олли... Олли... это Сэм. Все хорошо...

– Что со мной, я не...

Я смотрю на темного, и он кивает, что все нормально, не убирая руки от ее лодыжки.

– Это сделала Аркадия за то, что узнала про меня и Игоря...

Ее глаза резко открываются и впиваются в мои:

– Ты никому об этом не расскажешь!

– Олли, я...

– Ты меня услышала? Никому и никогда, и ни при каких обстоятельствах ты...

Голова верховной падает на ключицу.

– Олли! Олли! Что с тобой? Олли!

– Не вопи! Это привлекает внимание! Я ее вырубил! Она просто спит!

– Что? Зачем?

– Потому что она тебя пугала.

То, как он на меня смотрит... его взгляд можно физи-

чески ощутить вокруг. Просто подчиняет все пространство. Сглатываю и пытаюсь не орать, чтобы не наделать еще больше шума.

– Меня много чего пугает в этой жизни. Например, пауки. Ты собираешься истребить их всех?

– Нет, я просто решил, что ты все поняла с первого раза и без угроз... – я смотрю на него исподлобья. – Я сделал все, что мог, срастил мелкие трещины. Но ей будет дискомфортно пару дней. Давай помогу перенести ее.

– Я сама!

Легкое движение пальцев, и воздух с удовольствием подхватывает свою любимицу. И я поднимаюсь за ней.

– Так легко забыть, кто ты есть, когда ты ведешь себя, как человек, – шипит он.

– Спасибо за помощь с Олли... и... с моей спиной, и...

Он шагает ко мне и снова шепчет своим проникновенным голосом:

– Но он все так же...

– Не твое дело!

Темный делает шаг назад, прокладывая расстояние между нами, но все так же сжигая меня напряженным взглядом.

– Тебе пора уходить. И лучше не возвращаться! Я была тебе должна, теперь ты должен за то, что я тебя не заложила! Мы квиты!

Его руки опускаются, и он буравит меня жестким взглядом. Делает еще один шаг назад и, прежде чем раствориться

в темноте угла, произносит: «Я тебя предупредил! Доброй ночи, сирена воздуха!»

Глава 10

– Что значит, Игорь пошел за нами, и ты не смог его остановить?

Я бросаюсь к Кирку, но руки Мел впиваются в мои плечи, оттаскивая от него. Он беспомощно разводит руками, и в его глазах читается вся вина, которую я ему вверяю. Челюсть постоянно стиснута, и когда он пытается в очередной раз со мной поговорить, это заканчивается одним и тем же уже в течение двух часов.

Я бросаюсь на него с желанием рвать на куски сильнее, чем все демоны ада.

Хочу его ударить. Хочу его избить! Хочу сделать ему больно! И он сам постоянно меня об этом косвенно просит!

Игорь выполнил то, что хотел так долго. Он отвлек всех и скользнул за периметр. За мной. Потому что боялся, что со мной что-то случится. Он так и не смирился с тем, что он мне не нужен, чтобы прикрывать спину. Но до нас он так и не дошел.

Мы прочесали весь лес, а он будто бы в воду канул. Я молилась о том, чтобы это была не вода разделяющей реки, и состояние перманентной истерики длилось уже несколько часов, я вот-вот готова была просто утопить все вокруг себя, затем поджечь и на последней стадии развеять все по ветру.

– Сэм, прости, я...

– Что, Сэм, прости?! – злобно дразню его в ответ. – Я слышала это двести тысяч раз за сегодня! Скажи это Игорю, когда найдешь его. Или его телу. – Кирк тянется к моим рукам, но я отталкиваю его. Он не сможет этого понять! Никто не сможет меня сейчас понять!

Я металась по его комнате, не находя себе места, садилась на секунду на кровать и подсакивала от шороха. Они заперли меня тут вместе с Мел и виновником, чтобы я была сосредоточена на нем, а не пыталась свалить через окно. Потому что я не могла унять себя, не могла с этим справиться. Они не оставили меня в доме сирен, потому что там слишком много места. Вдвоем они не смогли бы меня контролировать, если что-то случилось. А комната Кирка подходит для этого!

– Хочешь, я налью тебе чего-нибудь, ты хоть немного...

Я посмотрела на него таким взглядом, что он сразу понял суть своей идеи.

– Сэм, я не мог, я просто...

Я качаю головой, думая о том, что любая другая на моем месте уже бы плакала. Но я не могу.

Игорь может быть уже мертв. Игорь, скорее всего, уже мертв. И это все по моей вине! Потому что я когда-то не смогла сказать нет! Мел падает на кровать рядом со мной и крепко хватает мою ладонь. Скорее всего, даже не осознает, как это важно сейчас, просто держаться за кого-то дорогого и живого.

– Сэм, – ее голос тверд и непоколебим. – Я уверена, что он скоро появится, и это будет объяснимо. Все это будет объяснимо. И ты просто разорвешь на части за то, что он заставил тебя так сильно нервничать!

Вранье! Ложь! Все это ложь!

Она прекрасно знает, что с ним случилось что-то ужасное, что он больше не будет меня убаюкивать у себя на кровати. Не будет целовать. Он больше не будет со мной. Его больше не будет, и я зарываюсь в ее волосы с новым витком рыданий без слез. Кирк садится позади меня и кладет руку на спину.

– Ты не виновата!

Резко разворачиваюсь и ору ему в лицо:

– А кто? Кто в этом виноват? Кто?? Скажи мне! За кем его туда понесло?

Мел пытается сделать так, чтобы я не кинулась на него с кулаками, фиксируя мои ладони за спиной.

– Сэм, я...

– Ты никогда не поймешь этого! Никогда!

Мои всхлипы заполняют тишину комнаты, и на его лице отражается гримаса боли. Мел гладит меня по руке и молча показывает ему на дверь. Кирк уходит с выражением вселенского горя на лице. Она остается со мной до утра в закрытой извне комнате, зашептанной десятками заклинаний. Чтобы я не могла уйти за ним. Чтобы им осталось, кого винить. Чтобы Аркадия грохнула меня, а не Олли за то, что у нее забрали ее единственного сына.

Через пять часов я наконец, к великому облегчению Мел, закрываю глаза на несколько часов. Просыпаюсь от прикосновения Олли.

– Сэм... – я проспала три часа, сейчас около десяти утра. Резко сажусь на кровати и упираюсь в нее глазами, хватаю за руки.

– Скажи мне, что вы его нашли! Скажи, что с ним все в порядке.

Я лихорадочно бегаю глазами по ее лицу, но знаю, что все плохо. Все очень плохо! Потому что глаза Олли полны любви! Я хочу проорать ей в лицо, что мне не нужно ваше сострадание, мне нужен Игорь, живой и здоровый!

– Нет, милая, с ним не все в порядке, но мы знаем, где он... его забрали темные.

Мне кажется, я задохнусь от шара воздуха, который взрывается в легких. Я ошарашенно смотрю на нее, и губы сводит судорога. По всем моим артериям, венам и капиллярам от сердца расползаются иголки страха. Он проникает в каждый клочок тела. Кажется, хуже уже не будет! Хуже просто некуда. Но Олли продолжает:

– И это не все. Они хотят тебя в обмен на него!

– Они хотят сирену...

Я мотаю головой. В чем их проблема. Что за странное требование.

– Нет, они хотят тебя! Только тебя. В послании описана рыжеволосая девочка-сирена.

Ну да конечно, я одна такая тут! Я перевожу взгляд на Мел и вижу ее жесткость. Она не собирается меня отдавать! И Олли не собирается меня отдавать! Никто не хочет этого. Исключая меня. Я вздыхаю, проглатываю ужас, который меня наполняет и шепчу:

– Сколько у нас времени?

– Сегодня до вечера! Когда стемнеет, они требуют, чтобы ты вошла в сферу.

– Куда?

Я спрашиваю, но не понимаю, зачем это делаю... я ничего не понимаю.

– Магическое ограждение. Они его ставят как гарантию того, что не будут использовать магию. Как только они это сделают, она падает. – На автомате чеканит она в ответ.

– Почему они готовы на это пойти?

Я не знаю, зачем спрашиваю, я же знаю ответ!

– Потому что у них есть оружие.

У них есть оружие, у них есть Игорь, у них буду я. Они не отдадут его. Они скорее его убьют и меня потом убьют. Произдеваются и убьют. Возможно, пристрелят, если решат, что я все-таки не должна мучиться. Итог будет один: мне осталось жить каких-то 7—8 часов. И даже если больше, конец будет тот же – смерть!

Вечно молодая!

Я проглатываю это все и шепчу.

– Каков план?

Мысленно заламываю руку и падаю перед Олли на колени, умоляя, чтобы она рассказала оригинальную концепцию, которая не вызовет у меня сомнений.

– Мы еще обсуждаем детали... к вечеру он будет готов! Пока, может ты хочешь вернуться к нам домой, поесть...

– Я не хочу есть, – Олли качает головой, – но я бы вернулась.

Это их воодушевляет. Они думают, что я благоразумная. Что я понимаю степень опасности. Что я готова сотрудничать.

Но это ни хрена не так! Я ни капли не такая! Вообще!!!!

Мы все вместе бредем в наш дом, я надеюсь, что все заняты своими делами. Я не хочу, чтобы кто-то видел меня такой. Я до сих пор в своей форме. Джинсы, темная майка, тесная ветровка. В ней не жарко, но закрывает плечи. Волосы стянуты в пучок на затылке. Моя одежда в крови. У меня небольшой порез на бедре, который естественно даже не обработан и возможно болел бы, если бы я была в состоянии обратить на это внимание.

Я сильнее, чем они! Я быстрее, чем они! Я справлюсь с ним всеми!

Мои татуировки не горят. Потому что вместо сердца у меня дыра от выстрела дробовика. Странно, что ее никто не видит, только я чувствую.

Они сажают меня за стол и ставят тарелку с едой. Напротив сидит Кейт, бледная как сама смерть. Она знает, через

что я сейчас прохожу, она понимает меня. Одна из всех и ей страшно, потому что я воскресила ее воспоминания, с которыми она почти справилась, которые она почти выкинула из себя.

Я опять все испортила.

Они заставляют ее говорить со мной. Но я не слышу. Я не ем. Я выпиваю стакан воды, быстро принимаю душ и падаю к себе на кровать, зарываясь в подушки. Делаю вид, что сплю следующие четыре часа. Со мной постоянно кто-то находится, они следят за тем, чтобы я не сбежала. Они не говорят этого, но знают, что я не идиотка.

Около шести вечера мы собираемся за столом. В моей голове уже есть план. Олли говорит:

– Я поговорила с Аркадией, она настаивает, что мы не должны тебя им отдавать, но и Игорь ее беспокоит. Она хотела бы получить своего сына назад...

Я хочу прокричать ей в лицо, что это все ложь, но молча смотрю в новую тарелку с едой для меня.

– Я ее не интересую. Ей только нужно получить его обратно! Ей все равно, одной сиреной больше, одной меньше, появится замена.

Возможно даже для моего места в сердце Игоря. Олли продолжает:

– Я решила, что мы не отдадим тебя!

Я поднимаю свои глаза, полные ужаса, на свою верховную и с дрожью спрашиваю:

– Олли, что значит не отдадим меня?

– То и значит, мы не пойдём на поводу! Если они убьют Игоря, будет война, и тогда мы их всех заставим поплатиться...

– Олли. Это Игорь! Нельзя просто так взять и сказать, чтобы они оставили его себе на память! Ты с ума сошла?

Я приподнимаюсь и подаюсь вперед, нависая над столом. Воздух вокруг нас застывает и превращается в лед. Я чувствую, как все до одной сирены задержали дыхание и наблюдают за тем, как градус нашей с Олли милой беседы поднимается.

– Я не пойду у них на поводу!

– У нас нет выбора!

– Сэм, это не тебе решать!

– Это решать мне! Ты просто боишься еще раз признать, что облажалась! Что еще одна из твоих девчонок, скорее всего, умрет сегодня! Это моя жизнь! По крайней мере, я хочу иметь возможность самостоятельно решить, когда мне с ней расстаться.

Это выводит Олли из себя:

– Я облажалась? Я? А может, это ты! Я тебя предупреждала, что это не закончится ничем хорошим! Я могла попросить Аркадию с этим помочь! Она бы могла подчинить тебя... – мои глаза расширяются от ужаса. Воспоминания накатывают как цунами. Олли, повисшая в воздухе, распятая перед Аркадией. Ее нечеловеческие вопли и то, как я пы-

таюсь заткнуть уши, чтобы не слышать их. Слова темного мальчишки обо всех ее повреждениях. Меня мутит. И я падаю на стул. Просто для того, чтобы не оставить содержимое моего пустого желудка на столе перед ней.

Я знаю, что я виновата.

– Мне нужно переодеться! Я не хочу это больше обсуждать! Я пойду туда и точка!

– Нет, ты никуда не пойдешь!

Я не произношу, но думаю о том, что это мы еще посмотрим. Быстро снова моюсь и переодеваюсь в зеленое платье с открытой спиной. Пусть думают, что я смирилась! Но на ногах удобные легкие ботинки, которые фиксируют лодыжку, и не дадут мне подвернуть ногу. Олли может что-то заподозрить, ну да ладно. Я вывела ее из себя, она больно ударила по мне. Мы квиты.

Я не держу рядом с собой верхнюю одежду. На улице уже давно перевалило за середину сентября, но если они заметят что-то такое, то сразу догадаются, что я планирую.

В комнате осталась только Мел, она уставилась на меня, подумав, что у меня странный выбор гардероба, но никак это не прокомментировала:

– Может, ты все-таки поешь?

– Нет! Где все? – Она тяжело вздыхает.

– Они решили, что при тебе это обсуждать – не лучшая идея. Когда от них придет приглашение на «вечеринку», мы все равно услышим. Это все услышат!

– Ага...

Она смотрит на меня как старшая сестра:

– Сэм, пожалуйста, не делай глупостей!

Она говорит кротко и тихо, и в ее взгляде столько мольбы!

– Я не знаю, как справлюсь, если и ты пострадаешь...

Странно, как много синонимов для слова «умрешь» можно найти, при желании.

Рядом присаживается Кейт. Это просто комплимент: они посчитали, что одной Мел со мной не справиться! И правильно! На самом деле вдвоем тоже... но это не важно. Она кладет руку поверх моей и не говорит ничего. Просто сжимает ее, чтобы я знала, что она со мной! И я знаю! Я знаю, что, несмотря на то, что сказал Олли, они все до одной со мной.

Но я с Игорем.

Мы сидим молча, наблюдая, как вечер пожирает дневные краски, и я не знаю, сколько времени проходит до того момента, как тишину за окном озаряет голос.

– Мы ждем! – голос мне знаком, но я не могу понять откуда. Он озаряет все пустоту, и мой пульс сразу подскакивает в десять раз. Я моментально оказываюсь на ногах. За мной срываются Мел и Кейт.

Я думаю только о том, что не хочу делать им больно.

– Отпустите меня!

Мой голос похож на плач ребенка, я плохо себя контролирую. Они обе качают головой. Они не могут этого сделать.

– Я не хочу делать вам больно! – а это уже прямая угро-

за. Они выходят из-за стола, преграждая мне путь наружу. Я встаю напротив. Если бы они знали, как мне страшно. Я никогда не думала, что во всех ужасах этого мира когда-то мне придется противостоять им, самым дорогим и понимающим. Я ловлю их глаза, одни холодные как лед, пронзительно голубые и вторые серебряные теплые с темной обводкой радужки, которые делают их цвет еще более светлыми. Я вижу в них боль. Я надеюсь, что в моих видно только решительность! Пусть они считают меня влюбленной идиоткой.

Мы втроем замираем. И я думаю, как далеко я смогу сейчас зайти. Чтобы удрать, мне нужно их вырубить. Это значит – сделать им очень больно! Слишком больно!

В этот момент в комнату врывается Олли. И это мой шанс. Они отвлекаются на нее, выдыхая с облегчением. Они были уверены, что я выйду в дверь.

Я отворачиваюсь и перемещаюсь в окно, разбивая наше панорамное великолепие вдребезги. Вылетаю наружу вместе с осколками, но не чувствую, как они меня ранят. Автоматически закрываю лицо руками. Падать не очень далеко, не больше 50 метров и я приземляюсь в саду. Отдача достаточно сильна, но я выбрала правильную обувь, поэтому остаюсь на ногах, разворачиваюсь и лечу. Именно лечу, а не бегу! Я никогда так быстро не передвигалась!

Я заворачиваю за угол и вижу эту дрянную сферу! Она покачивается в воздухе, и мне нужно только вступить в нее, чтобы оказаться отрезанной! Наперерез мне вылетает Мел,

значит, Кейт или еще кто-то может появиться с любой стороны. Им нужно меня задержать, мне нужно успеть. Тут нет воды и единственное как она может на меня повлиять – это еще раз прокричать:

– Сэм, не делай этого!

Они мне не простят!

Ярываюсь в сферу, и за мной она моментально стекленеет. Мел и Олли одновременно врезаются в нее, практически не успев сбавить скорость. Через секунду рядом тормозят ошалевшие Кейт и Дели. Я тяжело дышу и упираю руки в колени, в попытке прийти в себя.

Мел барабанит в невидимую стену и кричит, что я – идиотка, что она никогда мне этого не простит! В конце концов, ее разрывает от слез, и она скатывается по стене, садится, упираясь в нее спиной, и продолжает меня оплакивать еще живой. Дели присаживается рядом с ней, обнимая, но продолжает сверлить меня глазами.

Я знаю, что она делает! Она пытается меня запомнить! Врезать себе в мозг, как еще одну зарубку, еще одну девчонку, которую потеряла.

Я хочу десять тысяч раз просить у них прощения. Кейт кладет руку на уровне глаз, затем добавляет вторую и складывает сердце из больших и указательных пальцев. Я слегка улыбаюсь и повторяю ее жест.

Может она меня так сильно любит. А может она одна меня понимает. Я не узнаю этого никогда.

Олли просто опустошенно качает головой и произносит:

– Заставь их использовать магию, чтобы мы могли до тебя добраться! – но в ее глазах я читаю, что она мысленно меня уже почти похоронила. И какую-то часть себя тоже. Они будут спасать Игоря, не меня. – Они просили идти вдоль дороги, не сворачивая.

Я киваю. Разворачиваюсь и ухожу, не оборачиваясь.

Глава 11

Иду спокойно!

Ничего не произойдет, они со мной ничего не смогут сделать!

Я повторяю эти фразы как мантру для себя и пытаюсь дышать медленнее, чтобы смягчить удары сердца о ребра, потому что адреналин разлился во мне буйным коктейлем и ищет выход через мою грудную клетку.

Как только Игоря отпустят, я просто разнесу ублюдков. Они не успеют ничего почувствовать... ничего понять или пытаться препятствовать.

Я – есть воздух и знаю тысячи способов как заставить их умереть.

Двенадцать парней, которым слегка за двадцать. Три тройки, у остальных длинные рукава, я не вижу их стихий. Ненавижу нападать в слепую, хотя свои тоже постоянно стараюсь скрыть. Успокаивает лишь тот факт, что мы никогда не встречали у них четверок, но как показывают последние события – все бывает в первый раз. Замедляю шаг, мне необходимо время подготовиться, собрать волю в кулак... в конце концов, не каждый день я собираюсь сознательно убивать впервые.

До Теодора – пара километров, при быстром беге – 6 минут, если переноситься, не больше двух. Но если они будут

атаковать меня одновременно, мои шансы близки к нулю. Да, я одна из сильнейших, но я не уверена, что смогу их сдержать даже в течение этого времени.

Сирены быстры, но пули быстрее.

Я усмехаюсь мысли, зерно которой поселил во мне темный.

Остается где-то около пятидесяти шагов, и я все еще не понимаю, почему они потребовали меня, но начинаю находить занятным то, что происходит. Дурная привычка – докапываться до самой сути так что любопытство, когда-нибудь меня погубит.

Я иду по дороге посреди нашего леса, который простирается до их территории от входа Теодора. Они потребовали, чтобы я передвигалась по ней. Никуда не спешу, в любом случае понадобятся силы и тратить их на то, чтобы быстрее столкнуться с тем, что пугает, мне впервые в этой жизни не хочется. Там, где они меня ждут, среди деревьев образовывается небольшая поляна. Еще далековато, но, если я уже успела рассмотреть, сколько у кого татуировок, значит, ситуация примерно ясна. Но только сейчас я обращаю внимание на то, что Игорь стоит на коленях, с приставленным к голове пистолетом посреди всего этого фарса. Я вглядываюсь в того, кто держит его на мушке... пару шагов, и я смогу различать его черты лица...

Мое сердце опускается в пятки и сразу же подкатывает к горлу тошнотой и всплеском ужаса, когда воздух обвива-

ется вокруг моего запястья, шепча о том, кто там стоит. Я хватаю себя в руки, чтобы мои татуировки не разыгрались светомузыкой по всему лесу, и чтобы прекратить его поток. Не дать ему снова рассказать, насколько моя стихия в вос-торге от него.

Темный, который помогал Олли. Парень, который как-ким-то образом облегчал мою боль за долю секунды прикосновением. Тот самый, который не пустил мне пулю в лоб, хотя теперь я знаю, что он не только мог это сделать, но и хотел!

Именно в его правой руке находится оружие, которое угрожает Игорю, больше никто не осмелился целиться в того, кто унаследует власть.

Он смыкает пальцы на пистолете покрепче, и, черт бы меня побрал, мне знакомо это движение, и оно вызывает мою панику на поверхность нашей вечеринки. Теперь становится ясно, почему выбор пал на меня. Не столько из-за Игоря. А просто потому, что я ему знакома и он знал, что пойду не за принцем Теодора, а за тем, кого...

Дыхание начинает сбиваться, хотя прекрасно понимаю, что ни к чему хорошему моя нарастающая паника привести не сможет. Близкая опасность делает волосы короче. На этот раз я останавливаю их на уровне лопаток, и они сплетаются в тугую низкий пучок. Привычка. Длинные волосы – не преимущество, когда кто-то тебя атакует. И вообще, в моем случае телесный контакт – не преимущество. Когда ты ве-сишь раза в полтора меньше своего противника, почти ни-

чего не может стать твоим преимуществом.

30 шагов.

Фиксирую волосы. Минус один мой минус. Сосредотачиваюсь на обстановке. Я вижу Его ухмылку, вижу глаза Игоря и то, как он зол на меня. Просто за то, что я пришла, противопоставив себя опасности. То есть буквально: ему можно быть самодуром, а мне – нет. И когда все закончится, меня тоже ждет взбучка за безответственное поведение, которое подставило меня под удар. Конечно же, его безответственное поведение не будет рассматриваться как аргумент. Я гоню прочь мысль об оружии Игоре, который крушит все вокруг себя. Это не важно! Важно – выбраться отсюда живыми.

Решаю, что главное, сделать так, чтобы пистолет не смотрел ему в висок. А дальше дело за малым – сирены будут на месте через минуту.

Или две.

Или три, если решат по дороге немного поспорить на тему того, кому достанется право расправиться со мной.

10 шагов.

Все напрягаются. Впечатление, что кто-то пустил ток прямо по воздуху, а в мой позвоночник вбили кол, а остальную поверхность спины залили свинцом, чтобы я не могла даже мысли допустить о том, чтобы испортить осанку. Я заставляю себя не опускать голову и смотреть прямо в Его зеленые глаза. А он все еще усмехается.

– Мне больше нравится, когда твои волосы треплет ве-

тер... любимица Нота, – говорит он, не повышая голоса.

Не знаю, откуда он так ориентируется в мифах, но это не меняет общий настрой. Он спокойный, холодный, ровный, властный. Совсем не такой, каким я его помню, когда он помогал привести в себя Олли.

Обман! Всегда все приходит к вранью в этом мире.

Поэтому я фыркаю и показываю средний палец. Один из его мальчиков делает шаг ко мне с желанием дать мне за него сдачи, но Темный хватает его за плечо:

– Сэд... купол! У нас будет возможность с ней разобраться! А ты – протяни руки ко мне! – четко приказывает Он бархатным голосом.

– Зачем? – Я все еще шарю глазами по кругу и стараюсь, не смотря на Игоря, тихонечко считать. Они находятся немного впереди. Сзади стоят одиннадцать Его солдат. Как он вычислял, сколько ему нужно человек, чтобы справиться со мной, остается для меня загадкой.

– Милая, ты не в том положении, чтобы задавать вопросы. Вытяни их, или я прострелю ему башку, а ты и не заметишь, – притворно ласково говорит Он, – хотя нет... огромная лужа крови, с аппетитными кусками мозгов наверняка привлечет твое внимание. Мы все равно заберем тебя с собой, с его смертью или без...

– То есть, ты угрожаешь принцу Теодора лишь для того, чтобы получить сирену?

Я так и не узнала Его имени, но зато запомнила каждую

черту лица. Высокий, я ему где-то по плечо, темные волосы падают на большие зеленые глаза. Гармоничные черты лица. Он – безоговорочно красив. Я опять ловлю себя на мысли, что если бы он был девушкой, я бы наверняка решила, что он сирена, но сирен мужского пола не бывает, так что... В нем есть сила, уверенность и напор! Он входит в ситуацию и просто подчиняет ее себе. Точно так, как это делаем мы.

Ненависть бурлит во мне.

Медленно поднимаю перед собой обе руки. Смотрю, как Игорь в ужасе наблюдает за моими движениями, и инстинктивно втягиваю голову в шею, как нашкодивший котенок.

– Сэм, не смей этого делать! – предупреждающе шипит он мне, но тон выдает, насколько ему страшно. Игорь никогда не был так напуган. Он мог быть взволнованным или в бешенстве, но не напуганным. У меня сосет под ложечкой от того, в какой яме мы с ним оказались по нашей глупости.

Поправка – моей глупости. Я упорно продолжаю отрицать его вину в происходящем.

Один из Темных хватает меня за руки. Я пытаюсь вырваться, подаюсь вперед, головой целюсь в его грудную клетку, солнечное сплетение. Какого черта я отвлеклась. Я вырываю одну руку и в парня, что меня схватил, ударяется волна воздуха. Он пролетает метров десять, ударяется о ближайшее дерево и сползает по нему. Я резко разворачиваюсь и упираюсь взглядом в Него, ожидая увидеть панику на лице. Хотя бы удивление. Хоть что-то! Но он просто орет, не от-

вода от меня взгляд:

– Я же говорил, держите девчонку, и не смейте применять магию.

Я едко скалюсь и оглядываю толпу его псов, которые окружают меня, с видом, который обещает им тяжелые телесные увечья. Он прав. Как только кто-то из них применит ее, купол, изолирующий нас, упадет, и им конец.

Я делаю шаг в Его сторону, но на меня налетают двое парней одновременно. Я перестаю замечать какие-то подробности их внешности, но они все больше меня, грузнее. Зато я реально быстрее.

«Не давай им прикоснуться к себе, Сэм» – вот что звучит на повторе, словно заезженная пластинка в моей голове. Они пытаются обездвигить меня, но одного выкидывает каменный столб из земли, и он приземляется в кроны деревьев, а второго я бью ногой в челюсть и пока он еще теряет равновесие, подсекаю ноги. Он падает на землю и получает контрольный удар в солнечное сплетение. Я начинаю перемещаться. Уворачиваюсь от двоих, проскальзываю под рукой еще одного, который пытается меня схватить. Я почти добралась до Игоря. Еще два шага и между нами не останется и...

Дуло пистолета направлено мне в лицо. Я замираю на носках в пяти сантиметрах от него, заставляю себя опуститься на пятки и выдыхаю весь до последней капли кислород из себя. Кровь стынет так, что по коже бежит мороз.

Один пистолет нацелен на Игоря, второй – на меня.

– Извини, милая, но такие правила игры. – Молчу, пока ни понимаю, что он пялится на мои приоткрытые губы, а затем тихо командует. – Вдыхай!

Я закрываю глаза.

Потому что истратила все свое везение, и тут у меня нет шанса.

Только шепчу в пол:

– Оставь его! Выстрели в меня, только оставь его в живых!

Поднимаю взгляд и вижу в его глазах такое недоумение, что...

Плечо пронзает боль, как будто мне его вывернули из сустава. Кто-то хватает за мои руки, фиксируя их вдоль тела, а потом охватывает весь корпус, прижимая их к туловищу. Темный отмирает и опускает второй пистолет. Ну, тот самый, который был направлен на меня. Я продолжаю пытаться барахтаться, хочу освободить руки, но по ходу меня схватил какой-то огромный мужик, мне кажется, у него даже руки особо не напрягаются, пока он меня держит и пытается унести.

Темный заворачивает у себя над рукой маленький смерч, чтобы я видела.

Магия.

Купол снят, нейтралитет остановлен и все летят в нашем направлении. Моему изумлению нет предела. Зачем! Нужно было пристрелить меня, пока мог. Уже дважды! В третий

раз, я даже не дам ему прицелиться в меня.

Он должен соображать, что если я сейчас вырвусь, то сломаю ему позвоночник голыми руками.

Он наклоняется к Игорю и шепчет.

– Если ты не против, заберу твою девчонку. Я испытываю слабость к южному ветру.

Он толкает его вперед, и я наконец-то слышу выстрел.

Все замирают.

На секунду мы полностью останавливаемся. Я повисаю над землей в руках громилы.

Так всегда бывает, в этом мире, еще никто не привык к выстрелам. А потом мое внимание привлекает красное пятно, которое расплзается на белой футболке Игоря. И это чувство, когда крик зарождается в горле и прокладывает путь через голосовые связки наружу. Но я не могу его услышать.

Я цепенею от страха.

Игорь падает на колени.

Раздается глухой щелчок.

На руках Он застегнул два серебряных браслета, не связанных между собой.

Мои татуировки погасли...

– Добро пожаловать в мир без стихий, милая. Подбирай ее и пошли, она больше не опасна, но сирены будут на месте меньше чем через минуту.

Верзила закидывает меня на плечо, я вижу, что он реально огромный и у него русые коротко-стриженные волосы.

Мы довольно быстро начинаем двигаться в сторону более густой части леса, сойдя с дороги. Вижу, как Игорь падает лицом на землю. Вижу зеркальное красное пятно на его спине. И тут, наконец, понимаю весь ужас, начинаю кричать, брыкаюсь, царапаюсь и пытаюсь выкрутиться, но он крепко прижимает к себе одной рукой мои ноги, а второй корпус к плечу, не давая мне и шанса. Вдали появились огни, наверно это Олли или Мел. Но они не идут дальше... он им оставил раненного или возможно мертвого Игоря, он важнее меня, даже если я самая сильная на свете. Без меня мир проживет, без правителя – нет. Последнюю мысль я гоню прочь. И снова пытаюсь вырваться. В итоге, получается освободить руку и ударить парня в ключицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.